

Владимир Максимофф
Илья Баксаляр

ЗАВТРАК С МАШИАХОМ

16+

Илья Баксаляр
Завтрак с Машиахом

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Баксаляр И. Н.

Завтрак с Машиахом / И. Н. Баксаляр — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Перед силой стихий и трудностью жизни люди всегда искали спасение в высших силах. Обращаясь к небесам, человечество искало избранных Богом посланников и находило пророков. Многие века и тысячелетия устами Всевышнего избранные Богом вели людей к священной цели. В их знаниях хранилась великая тайна всего человечества, дар Всевышнего людям, Ковчег Завета, обладающий самой огромной силой во Вселенной, способный изменить жизнь на Земле. История уходит корнями в глубокую давность и неожиданным образом врывается в современность своеобразным открытием, несущим угрозу существованию человечества. Желая сковать весь мир в своих коварных цепях, могущественные кланы жаждут овладеть величайшей тайной. Волею судьбы обычный молодой человек оказался на их пути. Чем закончится это борьба, можно узнать, прочитав роман "Завтрак с Машиахом". Только тебе, читатель, удастся заглянуть в тайну дара Бога и открыть самый могущественный подарок людям, посланный нам высшими силами.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 11	54
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Илья Баксаляр, Владимир Максимофф

Завтрак с Машиахом

И явится отпрыск [дома Ишая](#) (отца царя Давида, слав. *Иессея*), на нем почиет [дух Господа](#), как дух мудрости, храбрости и веры, который будет править в страхе Божьем, опоясав свои чресла справедливостью и верностью ([Ис. 11:1–3, 5](#)). Он не станет вести войн, чтобы побеждать народы, и все орудия войны будут уничтожены ([Ис. 9:4](#)). Его единственным желанием будет установление справедливости среди своего народа ([Ис. 9:6; 4](#)). И плодами его справедливого правления будет мир и порядок в его владениях. И не станет ягненок бояться волка, а змея мирно уляжется рядом с дитятей. И на святой горе не будет процветать тирания и насилие, ибо вся страна будет полна познания Господа, подобно водам, покрывающим море (ср. [Ис. 32:1, 2, 16](#)). Народ перестанет увлекаться политическими успехами и будет вести идиллическую жизнь ([Ис. 32:18–20](#)). В идеальных условиях страна будет процветать и перестанет бояться нападений других народов ([Ис. 9:6; 32:15](#)). Новый отпрыск Иессея будет маяком для других наций, и они будут приходить к нему на суд и на совет ([Ис. 11:10](#)). «...и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира» ([Ис. 9:6](#)).

Глава 1

Огненный шар неспешно плыл по бледно-голубому небосклону в направлении темных силуэтов старинных стен, оберегавших город с западной стороны. Повсюду стояла невыносимая жара. Раскаленная земля потрескалась и походила на безжизненную твердь пустыни. На обжигающие каменные мостовые невозможно было ступить ногой, даже облаченной в сандалии. Улицы опустели. Люди укрылись в домах, стараясь без лишней надобности не покидать свои жилища. Нельзя было спастись и в маленьких темных переулках древних кварталов Иерусалима. Пекло выжаривало город на протяжении последних двух недель. Торговцы, скрывшись в глубине своих лавок, степенно попивали чай и мысленно обращались к Богу с просьбой смиловаться и ниспослать на город прохладу. Порой они собирались кучками, чтобы обсудить торговлю, ставшую для них тяжким бременем из-за несносной погоды. Вопреки угнетающей жаре где-то в затихших переулках нет-нет да и мелькали тени вездесущих туристов и паломников, принадлежавших к различным конфессиям, которые приехали в столицу трех религий со всего света. Однако сувенирные лавки они обходили стороной, оставляя торговцев без столь желанного барыша, видимо, спешили к святым местам, ради которых и прибыли в Иерусалим.

На Храмовой горе, прямо над Стеной Плача, сияя исполинским золотым куполом, величаво возносилась к небу мечеть Куббат ас-Сахра, поодаль от которой располагалось скромное, но более важное в исламском мире архитектурное сооружение – мечеть Аль-Акса. Несмотря на палящий зной, в этот час в ней, на удивление, было много народу. Завершив вечернюю молитву, имам Амин аль-Хусейн провожал прихожан, желая им мира и добра и неторопливо направляясь вдоль длинного ряда колонн к выходу. Все восемнадцать лет своей службы аль-Хусейн всегда соблюдал меры предосторожности, и когда последний посетитель покинул мечеть, он закрыл двери и внимательно осмотрел засовы. Мечеть нередко становилась яблоком раздора между иудеями и мусульманами, поскольку располагалась на месте самого священного для всех евреев храма, некогда разрушенного могущественными римскими завоевателями.

Имам едва заметно волновался – предстояло провести ремонт, заменить все изношенные полы в большом молебном помещении. Покрытия полов протерлись во многих местах до дыр и имели весьма nepотpeбный вид, несвойственный столь величественному убранству мечети. Он не любил, когда в храме появлялись посторонние люди, но починку надобно было проводить, и, несмотря на свою неприязнь к пребыванию чужаков в священном месте, Амин аль-Хусейн повернулся к залу и громко крикнул: «Все ушли, выходите!»

Несколько мужчин среднего роста торопливо засеменили из соседнего помещения. Они были в белых круглых шапочках и без обуви. Богобоязненно оглядываясь по сторонам, рабочие окружили имама, почтительно склонив перед ним головы.

– Надо убрать старые ковры, унести их во двор, а затем вывезти за город на свалку. Новые покрытия лежат вон в той комнате, – аль-Хусейн рукой указал на узкий проем в одной из стен. – Времени у нас не так много. Все должно быть закончено в кратчайший срок, дабы наши правоверные братья возрадовались, увидев новое покрытие во время следующей молитвы. Только ко всему относитесь бережно, – Амин аль-Хусейн поднял указательный палец вверх, подчеркивая важность своих слов. – Этой мечети тринадцать столетий, и она занимает третье место по значимости во всем мусульманском мире, – голос имама зазвучал громче, вызывая у рабочих благоговейный трепет. – Здесь, у обрыва Храмовой горы, полторы тысячи лет назад оказался сам пророк Мухаммед, спустившись с небес после беседы с Богом, чтобы сделать этот город одним из главных центров ислама в мире. – Амин аль-Хусейн хотел продолжить речь, но вспомнив, что времени на ремонт осталось очень мало, произнес: – Приступайте к работе и не гневите Аллаха, ибо Он за всеми вами смотрит с небес. – Рабочие покорно выслушали наставления и почтительно поклонились.

Что-то смутное и неясное тревожило имама, и он напоследок внимательно окинул взглядом большой зал. Его центр был освещен ярким светом лучей заходящего солнца, пробивавшихся через многочисленные окна под куполом. Все было как обычно, и, успокоившись, Амин аль-Хусейн что-то проговорил про себя и поспешил в библиотеку, чтобы побыть наедине со своими главными друзьями – книгами. Серый силуэт человеческой фигуры, находившейся в тени колонн, остался незамеченным имамом.

Рабочие, впервые оказавшиеся в столь священном месте и от этого пребывавшие в сильном замешательстве, наконец пришли в себя и рьяно приступили к работе. К утру полы в мечети были заменены, даже раньше срока.

– Так ты говоришь, под полом были обнаружены рисунки, которые относятся к раскрытию тайны Ковчега Завета? – начальник управления могущественной разведки «Моссад» Кейла Овальская с холодным недоверием в глазах, едва заметно сжав чувственные губы, внимательно следила за лицом молодого агента из Восточного Иерусалима Менахема Овадьи.

Овальская по праву считалась одним из лучших аналитиков Израиля, о ее даре находить закономерности в хаотичной информации, которая обычному обывателю, да и не только обывателю, но и многим профессионалам, казалась лишь набором случайностей, ходили легенды. Но для Кейлы не было случайностей, любые сведения являлись своего рода знаками, которые она читала как открытую книгу, восстанавливая всю цепочку причинно-следственных связей. И когда самые известные аналитики вскидывали руки вверх с возгласом: «Разве здесь можно что-то понять?!», могущественные руководители Израиля, будь то министр обороны или министр иностранных дел, а порой даже и сам премьер-министр, спешили к директору «Моссада», чтобы он помог разобраться в бессмысленной путанице. А уж директор «Моссада» с улыбкой на лице, не задумываясь, отправлял всех к Кейле.

В своих рассуждениях Овальская большое внимание уделяла проверке изначальной информации, из которой ветвями вились ее умозаключения. Однако произнесенные сейчас слова «Ковчег Завета», даже ее, матерого аналитика, застигли врасплох.

Ее миг перестала беспокоить интифада, священная война, накануне объявленная палестинцами и накалившая обстановку в городе до такой степени, что штаб-квартира «Моссада» на некоторое время перебралась из Тель-Авива в Иерусалим, дабы быть поближе к Кнессету. Палестинские смертники один за другим взрывали себя в местах скопления израильтян в разных районах Иерусалима, забирая на тот свет десятки невинных душ. По неподтвержденным сведениям, нити всех этих преступлений вели к мечети Аль-Акса, и нужно было действовать незамедлительно и решительно, чтобы потушить огонь террора и ужаса, огонь, который вновь разгорался на Ближнем Востоке.

– Я своими глазами видел эти изображения и непонятные надписи! – спокойно ответил Менахем Овадьи.

– А почему ты решил, что это относится к Ковчегу Завета?

– Потому что на одном из рисунков был изображен Ковчег Завета.

– Надеюсь, ты сфотографировал их? – умные глаза Кейлы впилась в лицо оперативного сотрудника.

Молодой агент едва заметно усмехнулся:

– Нет, конечно. Вокруг было много людей.

Лицо Овальской омрачила тень разочарования:

– Скверно, – процедила она. – Эта информация очень нужна, ты и сам это понимаешь.

– Да, понимаю, и поэтому я все запомнил, босс, – невозмутимо ответил молодой человек, на которого удручающее настроение руководителя не произвело никакого эффекта. – И если вы будете так любезны и предоставите мне бумагу и ручку, то я могу все изобразить.

Когда Менахем Овадья воспроизвел увиденные им изображения на листках бумаги, Кейла Овальская склонилась над рисунками и принялась изучать загадочные символы. Через мгновение она спросила:

– Кто еще это видел?

– Только рабочие, которые меняли полы.

– А они доложили имаму об этом? – в голосе Кейлы слышалась несвойственная ей озабоченность.

– Думаю, нет. Им было не до этого. Они очень торопились закончить свою работу.

– Мда!.. – Кейла Овальская незаметно для себя стала накручивать на тонкий длинный указательный палец локон своих черных с каштановым отливом волос. Накручивание волос на палец было ее забытой детской привычкой. Она уже давно так не делала, с тех самых пор, как стала взрослой. И только один человек на свете, ее отец, знал, как сильно была встревожена Кейла в этот момент, раз принялась за старое. Казалось, Овальская была где-то далеко. Голос Овадьи вывел ее из раздумья:

– Босс, – Менахем знал, что Кейле не нравилось, когда ее называли боссом, но он почему-то продолжал к ней так обращаться и еще сопровождал это слово своей приятной и в то же время издевательской улыбкой, – хотел вам сообщить относительно моего задания: утром я видел, как к имаму в библиотеку входили несколько палестинцев. На мой взгляд, они пришли обсудить проведение новых терактов в Иерусалиме. Это не первая такая встреча, я уже докладывал вам об этом. После каждой из них в городе звучали взрывы, об этом вы тоже знаете. Я прошу вас наконец арестовать Амина аль-Хусейна как одного из предполагаемых организаторов интифады, – голос Менахема стал беспристрастным, он изучающе смотрел на руководителя.

– Интифада, говоришь? Что такое интифада по сравнению с Ковчегом Завета?! Если верить вашим рисункам, Менахем, сейчас Израилю, и не только Израилю, но и всему миру, угрожает куда большая опасность, чем интифада.

– Рисунки рисунками, а имам аль-Хусейн продолжает благословлять террористов, – Овадья отодвинул стул и встал, продолжая испытывающе смотреть в глаза Овальской. – Ваша медлительность, босс, заставляет меня лично доложить руководителю «Моссада» о вашей бездеятельности.

– Сядь! – голос Кейлы прозвучал так громко, неожиданно и по-военному, что Менахем невольно отпрянул, но продолжил стоять, не подчинившись.

Все агенты, которые работали в управлении Овальской, с глубоким уважением относились к ней и не могли даже помыслить о таком дерзком поведении, которое позволял себе молодой агент. Кейла была не из тех, кто плел интриги и сводил мелкие счета, но все-таки она решила преподать Овадье небольшой урок и дать ему сложновыполнимое задание.

– Ты, Менахем, не очень разбираешься в угрозах, которые могут возникнуть, – сказала Овальская мягким голосом с чуть заметной улыбкой на губах. – Вот что, Менахем! Мне необходимы данные о рабочих, которые меняли полы той ночью в мечети! И нужно все это сегодня вечером.

– Разрешите идти? – сухо спросил Овадья.

– Идите! Жду вас с информацией.

В свои сорок пять лет Кейла Овальская завораживала ослепительной красотой. Черты ее лица были чувствительны и необычайно притягательны. Выразительные темные глаза временами излучали неуловимую поэзию, а временами обдавали холодом. Чувственные губы иногда обнажали белоснежную улыбку, но чаще были решительно сжаты, демонстрируя непреклонность характера Кейлы. Порой вздернутые вверх уголки губ и огонек в глазах придавали

ее образу очаровательное озорство. Темные волнистые волосы изящно ниспадали на плечи. Притягательность фигуры Кейлы подчеркивала узкая талия. Стройные ноги и полная упругая грудь, почти всегда спрятанная под деловой блузкой, довершали обворожительный образ Овальской. Но жизнь имеет своеобразное чувство юмора, и трудно было сказать, существовали ли хоть один человек в «Моссаде», который бы воспринимал женственную красоту Кейлы. Скорее все воспринимали ее как безупречную машину, которой несвойственно ничто человеческое.

Знала ли Кейла, как она относится к самой себе: как к женщине, которая нуждалась во внимании и заботе, или же как к бескомпромиссной защитнице родного Израиля, готовой пожертвовать всем, в том числе своим счастьем, ради долга перед Отечеством. Время от времени какое-то смутное ощущение так сдавливало Кейле грудь, что она не выдерживала и вечером надевала какое-нибудь изящное платье, которое придавало ей неотразимый сексуальный вид, а затем отправлялась в непубличный бар, чтобы за столиком растопить ледящее одиночество бокалом мартини. Порой она чувствовала, как живительная теплота расплзлась внутри нее, и душевная боль притуплялась.

Мужа и ребенка Овальская потеряла несколько лет назад, а самый близкий для нее человек, ее отец, покинул этот мир недавно. Его звали Аввакум Леви, он принадлежал к знатной ветви левитов, род которых шел по мужской линии, и был примерным семьянином, страстно желающим завести сына. Но, видимо, у Бога были свои планы, и каждый раз он одаривал Леви девочкой. И когда в очередной раз в роддоме Аввакуму Леви сообщили, что у него родилась девочка, он решил, что так тому и быть, и выбрал для нее имя Кейла, что означало на идише «совершенный сосуд». Аввакум полностью посвятил себя воспитанию младшей дочери, он нанимал лучших преподавателей и педагогов, и, когда пришло время, именно Аввакум Леви настоял, чтобы его дочь профессионально служила в армии. Казалось, военная служба была ремеслом, созданным специально для Кейлы, все у нее получалось лучше всех: рукопашный бой, снайперское ремесло, военно-тактическое планирование и разведывательная деятельность. Но в чем Кейла действительно превзошла всех, так это в анализе информации, ее наблюдательность и выводы были настолько гениальны, что легендарный боевой генерал Моше Шамон, командовавший тогда армией Израиля, порой лично советовался с ней.

Как только Менахем Овадьа скрылся за дверью, Кейла схватила трубку телефона внутренней связи, а уже через два часа находилась в просторном кабинете директора «Моссада» Эфраима Галиви. Руководителю самой могущественной разведки мира было под семьдесят, и всю свою сознательную жизнь он всецело посвятил защите интересов Израиля от многочисленных злейших врагов. Будь то заговор арабских стран, желавших потопить еврейское государство в крови силой своих объединенных армий, или террористы Ясира Арафата, захватившие израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене. А когда Ирак задумал создать ядерное оружие, люди Галиви проворно убрали ведущих ученых, остановив тем самым проект иракского диктатора по доминированию на Ближнем Востоке. Узнав об аналогичных разработках Ирана, сотрудники «Моссада» дали точные наводки на сверхсекретные лаборатории по обогащению урана, и боевые самолеты Израиля в течение пятнадцати минут уничтожили многолетние попытки иранцев разработать ядерную бомбу, которая угрожала в первую очередь еврейскому государству.

Худой, с большой лысиной на голове, Эфраим Галиви, казалось, был всегда спокоен и невозмутим. Практически никому не удавалось вывести его из состояния вечной внутренней гармонии. Однако сейчас его лицо исказила нервная улыбка.

– Кейла, значит, по твоей информации Ковчег Завета может находиться в мечети Аль-Акса?

Овальская никогда не видела своего невозмутимого руководителя столь взволнованным.

– Полковник Овальская, вы понимаете, что это значит?!

В самом «Моссаде» не было званий, но так как многие агенты до этого служили в армии, к ним часто обращались по-армейски. Кейла Овальская была живой легендой спецназа и до перехода в «Моссад» успела дослужиться до звания полковника.

– Может быть, нам стоит послать туда своих людей, вскрыть пол и выяснить все обстоятельства? – пожала плечами Кейла, почувствовав неловкость из-за отсутствия обдуманного плана и попробовав хоть что-то предложить.

– Да ты что говоришь, Кейла! Ты сама знаешь, что, если хоть один израильтянин войдет в эту мечеть, против нас ополчится весь исламский мир. И тогда за безопасность Израиля я не ручаюсь.

– Что же нам тогда делать? – Овальская устало посмотрела на руководителя, тщетно придумывая хоть какое-то решение.

Наконец Галиви удалось побороть мимолетную слабость и взять себя в руки:

– В первую очередь нам надо найти всех рабочих и уточнить, знает ли имам об этой находке.

– Я уже дала поручения агенту, который и сообщил о рисунках, – быстро ответила Овальская. – Хотя, думаю, он не справится. Поэтому я прошу у вас разрешения подключить остальных...

Разговор прервал зазвонивший на столе телефон. Директор «Моссада» неохотно поднял трубку:

– Слушаю вас.

Ему что-то ответили, маска равнодушия на лице Галиви сменилась глубокой озабоченностью.

– Когда это произошло?

Встревоженный голос продолжал сообщать какие-то новости, должно быть неприятные, так как лицо Галиви становилось все серьезнее и напряженнее.

Побледневший Галиви положил трубку и медленно произнес:

– Полчаса назад при весьма загадочных обстоятельствах прямо во время намаза в мечети умер Амин аль-Хусейн.

Тем же вечером полковник Овальская встретила с Овадией. Сразу же после этой встречи она запланировала провести еще несколько совещаний, чтобы подключить других агентов с недюжинным опытом, которые могли бы быстро справиться с поставленной задачей. В то, что Менахем выполнит поручение, опытный полковник не верила. Когда Кейла встретила его у себя в кабинете, Овадия выглядел запыхавшимся, он был одет в кофту и брюки, которые обычно носят палестинцы, в руках у него ничего не было. Полковник с ироничной улыбкой на лице поинтересовалась:

– Менахем, вы смогли достать список?! – на слове «смогли» Кейла специально сделала ударение.

Овадия, пытаясь отдышаться, без разрешения отодвинул стул и сел за стол.

Немного смутившись от столь вольного поведения, Кейла решила, что ее воспитательный урок все-таки удался, и собралась поставить окончательную точку:

– Ладно, Менахем, не расстраивайтесь, – смягчилась полковник Овальская.

– Да я и не расстраиваюсь, босс, – спокойно проговорил Менахем, когда ему наконец удалось отдышаться. От столь спокойного тона молодого агента Кейле стало не по себе, и она даже не сразу сообразила, что ответить. А тем временем Овадия вытащил из-за пазухи сложенный пакет, извлек из него исписанный листок бумаги и положил его на стол.

Измученная Кейла не сразу поняла, что происходит. Сначала она уставилась на бумагу, потом на Менахема. Ее лицо вспыхнуло, но в то же мгновение побледнело, а затем на нем появилось удивление. И все это не скрылось от любознательных и одновременно озорных глаз Менахема, который изучающе смотрел на своего руководителя. Лишь в уголках его губ застыла незаметная издевательская ребяческая ухмылка.

Овальская наконец взяла лист в руки и стала внимательно его изучать. Это был список рабочих, которые меняли полы в мечети. Все они были жителями Вифлеема, расположенного на Западном берегу реки Иордан. Кейла подняла телефонную трубку и набрала номер:

– Майор Леви, мне нужно, чтобы ты задержал тринадцать арабов, жителей твоего города, и срочно доставил их в Иерусалим.

– Но полковник! – возмущенно ответил обладатель хриплого немолодого голоса. – Как я объясню причины их ареста?

– Майор, ты не первый год работаешь, придумай что-нибудь! Задержи их без лишнего шума, нам надо только поговорить с ними, и мы их тут же отпустим, а за все причиненные неудобства выплатим определенную сумму.

– Разрешите провести операцию чуть позже, вечером в субботу, а то в шабат не хочется наших людей тревожить.

– Майор, ты, наверное, что-то не понял?! – голос полковника стал железным. – Сегодня они должны быть у меня! – и Овальская повесила трубку.

Глава 2

Длинный, бесконечный поток людей, которых египтяне иногда называли евреями, иногда – израильтянами, а порой – иудеями, растянулся на многие километры. Люди покидали Египет, не желая больше носить оковы многовекового рабства. Впереди, гордо подняв голову, шествовал Моисей. Он был облачен в белоснежную тунику, которая порой сверкала столь ослепительно, что людям приходилось щуриться. Светящийся образ пророка внушал иудеям веру в Бога, а когда Моисей обращался к людям, они смиренно опускали головы, ибо слово пророка для них было словом Отца Всевышнего. Решение распроститься с изумрудной долиной, полной прохлады, и ступить на обжигающую каменистую землю пустыни казалось полным безумием, но, несмотря на это, вера евреев в слова Моисея была непоколебима, и они уходили семьями, волоча за собой весь скарб.

Люди шли днями, неделями, месяцами, вскоре запасы воды и пищи начали подходить к концу. Огненное солнце беспощадно обжигало израильтян, угрожая испепелить всех до единого. Евреи всматривались в небо, прося у Бога хоть немного прохлады и дождя, их ноги подкашивались от жары и изнеможения, но Моисей не останавливался. Его туника ослепительно блистала в начале шествия. И хотя из-за долгого пути одежда иудеев потемнела, туника Моисея продолжала сиять, как белое пламя. Но иногда вера, будь она сколь угодно крепка, может дать трещину, и эти трещины незаметными паутинками покрывают самые стойкие чувства. Так и по толпе иудеев едва слышно прокатился гул возмущения, он как ветер всколыхнул море людей, предвещая ураган. Через три дня уже более гневный ропот пронесся среди евреев. Он нарастал и затихал, но лишь для того, чтобы позднее прозвучать еще сильнее. Словно приближающийся шторм, негодование усиливалось то в одном конце людского потока, то в другом. Не слышно ропота было только в начале колонны, где шел пророк. Люди спрашивали друг у друга: «Куда мы идем? Дети изнывают от невыносимой жары, еды практически не осталось. Зачем нужна такая свобода? Что мы забыли в этой мертвой пустыне?» Кто-то уже почти рыдал тихим голосом: «В Египте было тяжело, но там нас кормили, давали воды вдоволь, и была крыша над головой, а что ждет нас здесь? Только мучительная смерть среди этих сыпучих песков и раскаленных камней».

Вскоре слова возмущения достигли ушей Моисея. Но пророк не обратил внимания на мольбы и ропот. В белом одеянии с гордо поднятой головой он продолжал идти вперед. Моисей не обладал даром оратора, не в его силах было красиво говорить, но его чистая и чуткая душа терзалась и переживала за каждого иудея из толпы, что следовала за ним. Может, не стоило ему противостоять фараону и добиваться свободы для своего народа? Он говорил с народом от имени Бога, но его встречи с Всевышним были столь коротки, что часто трудно было понять, что происходило на самом деле. Яркий свет ослеплял на время глаза. Слова, как гром, неслись с неба, парализуя волю. Наказы были короткими и повелительными. Затем свет гас, видение исчезало, и только эхом повторялись слова, произнесенные не кем иным, как самим Богом. Всевышний явно не хотел, чтобы кто-то из смертных видел Его облик. Почему Бог выбрал именно его? Этот вопрос терзал Моисея, и каждый раз он не мог найти подходящего ответа.

Прошло еще несколько дней, и перед скитающимися евреями стали вырисовываться очертания горы Синай. Тем временем ропотание толпы, поначалу тихое, скрытое и опасливое, переросло в открытое недовольство, и сердце Моисея дрогнуло, нет, не от страха за свою жизнь и не из-за опасения услышать гневные слова в свой адрес, а от лицемерия страданий своего народа. Вечером, когда позади загоралась вечерняя заря, а впереди нависла гора Синай, пророк дал знак старейшинам, которые почтенно шли рядом с ним, что утром он объявит свою волю народу. Вряд ли сейчас Моисей знал, что он хотел сообщить. Может, стоило вернуться назад? Это выглядело бы предательством народа и его прокляли бы на века, но так люди хотя

бы остались живы. А может быть, стоило предоставить каждому выбор – искать дальше Землю обетованную или возвратиться в Египет, обрекая себя на еще большие страдания и унижения, чем до освобождения? Слезы досады навернулись на глазах пророка, он отвернулся от людей, чтобы скрыть свою слабость, и вдруг заметил на вершине горы светящийся луч. Пророк подлом белоснежной туники протер глаза. Его лицо осветилось подобно вершине Синая. Он почувствовал, как теплое чувство веры наполняет его израненную душу. Моисей выпрямился и обернулся к старейшинам. Его голос прозвучал громко: «Отец наш Всевышний зовет меня. Ждите меня здесь, я вернусь и сообщу волю Его. А пока молитесь, ибо все в руках Отца нашего Бога. А ты Аарон, брат мой, пока меня не будет здесь, оберегай наш народ, постарайся найти еды. Вырыйте колодцы, чтобы в воде люди не нуждались». Моисей крепко обнял своего брата и поспешил на гору, навстречу лучу света.

Наступило утро. Белый туман накрыл гору, и не было видно, что происходит наверху. Прошел день, другой, третий. Моисей не возвращался. По ночам выли голодные волки, пугая людей своими почти человеческими стонами. «Плохой знак. Волки чувствуют – рядом злые силы», – перешептывались старейшины. Даже они, верные соратники пророка, с испугом смотрели на гору. Минуло две недели. Вода в вырытых колодцах иссякла, а весь скот пошел под нож. Начался голод. Негодующие евреи собирались в небольшие группы, от которых доносился глухой гул: «А может, и нет никакого Бога? А может, это выдумки Моисея, чтобы захватить власть?»

У небольшой палатки, рядом с которой собрались несколько десятков недовольных иудеев, сидела на коленях молодая красивая женщина и отчаянно прижимала к груди младенца, порой ее объятия были слишком крепкими. Из-за жары и постоянного недоедания у нее пропало молоко, и малыш громко кричал, требуя еды. Мать метнула испепеляющий властный взгляд на мужа и выкрикнула: «Ну сделай ты хоть что-нибудь! Что ты стоишь?! Ты что, не видишь, что наш сын умирает?!» Высокий стройный мужчина с тонкими черными усиками на лице неистово метался рядом с палаткой. Желваки на его скулах дрожали, руки тряслись, на глазах выступили слезы. Исхак попытался взять ребенка на руки, но женщина в гневе оттолкнула мужа. В отчаянии он упал на колени перед любимой женой и зарыдал. Она презрительно отвернулась от него, злобно плюнув в сторону. В ярости Исхак вскочил на ноги, вскинул руки к небу и надрывно закричал во все горло: «Так где ваш Бог?!» Находившиеся рядом люди оглянулись и приблизились к палатке, попытались успокоить бунтаря, но Исхак диким взглядом окинул окруживших его людей и снова выкрикнул: «Почему ваш Бог допускает голод? Мой ребенок умирает, а Ему все равно! Где Моисей? Бросил нас на произвол судьбы, а сам исчез! Куда ушел Моисей? Почему он оставил нас посреди мертвой пустыни? Сколько можно это терпеть? Пора потребовать ответа от Моисея и наших старейшин!» – и решительным шагом двинулся в центр лагеря, увлекая растущую толпу недовольных за собой.

Разгневанных людей встретили мудрые старейшины. С пониманием качая головой, один из них, седовласый мужчина со сгорбленной спиной, попытался образумить людей:

– Моисей сейчас общается с Богом и вскоре должен вернуться с хорошими новостями.

– Да он просто сбежал от нас! – заревела толпа.

– Нет никакого Бога, это выдумки Моисея, – выкрикнул Исхак, решительно шагнув в сторону старейшин. – Наши дети умирают, старики тоже долго не протянут. Посмотрите вокруг! Вместо обещанного рая мы найдем здесь только смерть.

Толпа напирала сильнее:

– Нет вашего Бога здесь! Нас всех ждет только медленная мучительная гибель!

Народ плотной стеной обступил старейшин, и они, вскинув руки вверх, воскликнули:

– Послушайте, люди! Мы всего лишь выполняем волю пророка. Моисей, когда уходил, оставил вместо себя своего брата, Аарона. Мы можем его призвать к ответу!

И старцы, возглавив толпу недовольных людей, направились в сторону шатра брата Моисея, Аарона.

Звонок мобильного телефона застал Кейлу Овальскую в небольшом кафе на улице Царя Давида, куда она часто заходила, чтобы немного перекусить после тяжелого рабочего дня. Домой полковник не торопилась, там ее никто не ждал. Трагическая случайность или злой рок забрали ее супруга вместе с дочкой. Это была очередная годовщина их свадьбы, и муж взял с собой пятилетнюю дочку, чтобы купить Кейле подарок, а заодно и прогуляться с ребенком. Когда они, счастливые, возвращались домой с подарком, на улице разразилась гроза и пришлось воспользоваться общественным транспортом. Они сели в полупустой автобус и заняли место у окна. Муж Овальской часто сетовал, что Кейла с раннего утра до поздней ночи пропадала на таинственной работе, про которую она почти никогда не рассказывала и которая забирала у Кейлы все время, даже те минуты, которые по праву предназначались маленькой дочке.

Водитель в громкоговоритель объявил остановку. В салон вошел молодой человек с утонченными чертами лица, у него был прямой нос и высокий лоб. Большими карие глаза светились каким-то странным огнем. Юноша неторопливо прошел по салону и остановился около пустого сиденья, рядом с Овальским и ребенком.

– Извините, здесь свободно? – он виновато улыбнулся.

– Да, конечно, присаживайтесь, пожалуйста, – ответил муж Кейлы.

Молодой человек осторожно снял с плеча рюкзак и сел рядом с женщиной и девочкой. Муж Кейлы услышал тихое тиканье, которое раздавалось то ли в автобусе, то ли в рюкзаке молодого человека. Шум закрывающейся двери на мгновение заглушил трудно уловимое тиканье, и автобус тронулся с места. В этот момент раздался взрыв.

Кейла ответила на звонок:

– Да, слушаю, майор. Ты нашел рабочих, о которых я тебя просила?

– Да, полковник, – голос в трубке поник.

– Когда доставишь их ко мне?

– Не знаю, – представитель Вифлеема замолк.

– Как это не знаю? Ты что, забыл про сроки, которые я тебе установила? Мне нужны эти люди сегодня! Срочно! Ты слышишь меня, майор?

Из трубки доносилось только тяжелое дыхание.

– Что ты молчишь? В молчанку решил со мной поиграть? – полковник начала выходить из себя.

– Никак нет. Я нашел двенадцать рабочих, но все они мертвы, – майор выдержал паузу, а затем продолжил: – Их обнаружили час назад в микроавтобусе, на котором нужные нам люди возвращались домой из Иерусалима. Водителя на месте не оказалось. Тринадцатого рабочего найти пока не удалось. Этим двенадцати бедолагам перерезали горло, – голос в трубке затих.

Овальская с трудом перевела дыхание, такого развития событий она никак не ожидала.

– Вот что, майор, срочно объяви в международный розыск тринадцатого рабочего и водителя микроавтобуса. И держи меня в курсе, как идет расследование этого преступления.

Выбежав из кафе, Кейла села в автомобиль «Форд Мустанг», ловким движением установила на крыше сирену и на большой скорости помчалась обратно на работу, ей нужно было срочно связаться с Эфраимом Галиви. В два часа ночи в резиденции премьер-министра состоялось чрезвычайное совещание.

Услышав громкие голоса, Аарон вышел из палатки и увидел огромную толпу, возглавляемую старейшинами. В отличие от своего брата Моисея, Аарон был красноречив, находчив и за словом в карман не лез. Убеждение людей было его призванием, и когда соплеменники обступили его со всех сторон, он остался спокойным и доброжелательным. С недоумением он

поглядывал на людей, пытаясь понять, чего они хотят. Наконец Аарон поднял руки вверх и мягко, но громко произнес:

– Люди! Наберитесь терпения, ибо Бог за нами наблюдает! Он помог нам обрести свободу и скоро приведет нас на Землю обетованную, где мы найдем свой рай.

Евреи замолчали и опустили головы. Воцарилась тишина, которую нарушил негромкий шум. Из толпы протиснулся Исхак, его глаза горели гневом, преодолевая страх, он приблизился к брату Моисея. Он был слишком молод, чтобы перечить мудрому Аарону, его руки дрожали от благоговейного трепета. Исхак набрал в легкие воздуха и гневно выкрикнул:

– А где твой брат?!

– Моисей сейчас общается с Богом, чтобы передать людям волю Всевышнего.

– Волю?! – завопил Исхак. Его худое лицо вытянулось, глаза округлились, ноздри вздулись от возмущения. – Моисея нет больше двух недель, он бросил нас умирать в этой пустыне. А ты прикрываешь его!

– Наберись терпения, достопочтенный. Бог наблюдает за нами с небес и желает нам только добра, – голос Аарона стал еще мягче. Чтобы погасить бурю в душе Исхака, Аарон обращался ласково и добродушно, но наполняя свои слов неоспоримой убедительностью. Однако Исхак был безразличен к увещаниям:

– Добра?! Мы еще должны сказать Ему спасибо за то, что умираем здесь? Твой брат сбежал, а вашего Бога нет. Моисей просто придумал Его, чтобы управлять нами, как стадом безмолвных баранов.

– Опомнись, сын мой! – Аарон все еще пытался обуздать гнев бунтовщика своей мягкостью, но толпа, охваченная гневом, стала роптать:

– Исхак прав! Где Моисей? Ты прикрываешь его и, наверное, тоже хочешь сбежать от нас. Ты живешь в добротном шатре. Запасы пищи и воды у тебя изрядные. А мы умираем!

– Послушайте, люди! – голос Аарона зазвучал громче. – Бог дал нам свободу! Он не бросит нас. Верьте мне. Моисей скоро вернется и поведет нас дальше.

– Куда мы пойдем? – снова завизжал Исхак. – Вокруг мертвая пустыня, воды нет, еды тоже, от палящей жары невозможно укрыться.

– Бог видит все наши страдания и просто испытывает прочность нашей веры в него, – Аарон из последних сил пытался успокоить людей.

– Мы доверились Моисею, бросили свои дома в Египте, покинули зеленые сады ради чего? Чтобы доказывать вашему мнимому Богу, что мы веруем в него?

– Но люди! – Аарон стал возмущаться. – Бог дал нам свободу.

– Зачем она нам нужна, если все мы умрем! Нет никакого Бога, Моисей и ты просто обманули нас, чтобы обрести власть.

– Опомнитесь, люди! Не гневите Бога! – брат Моисея поднял высоко правую руку, призывая к покорности, но Исхак внезапно накинулся на Аарона:

– Не пугай нас своим Богом. Нет Его! Мы убедились в этом!

Аарон хотел что-то возразить, но вдруг замолк, ощутив железную хватку нескольких рук на своей шее.

– Хорошо, хорошо, – с большим трудом прохрипел он. – Что вы хотите от меня? – Руки постепенно стали освобождать его горло, и Аарон почувствовал, что может дышать. Он долго откашливался под негодующими взглядами обступивших его со всех сторон людей. – Что я должен сделать?

– Откажись от своего Бога! – истошно завопил Исхак, остальные евреи дружно его поддерживали.

– Хорошо, мы откажемся от Бога, но что будем делать дальше? – Аарон все еще держался за горло, приходя в себя, пытаясь отдышаться.

– Дальше? А дальше у нас будет другой Бог.

– Но другого Бога нет, есть только один. Не стоит Его гневить.

Толпа снова угрожающе двинулась на Аарона.

– Ладно. Я согласен. Отречемся от Бога, раз вы этого требуете. Но кто нам поможет покинуть эту пустыню? – красноречие брата Моисея внезапно иссякло, и он больше не мог противиться разъяренной толпе.

Наступило затишье. Люди задумались, не зная, как поступить дальше.

– А что нам думать?! – тишину нарушил щедушный худой старик со впалыми щеками на сморщенном лице. Выпуклые умные глаза, много чего повидавшие за его долгую жизнь, поблескивали той практичной лукавостью, свойственной только мудрым и опытным иудеям. Он прищурился, потирая высохшими тощими пальцами большой сторбленный нос, слегка покачивая головой. – Мы, иудеи, всегда умели ценить деньги, и это позволяло нам выживать в самых сложных ситуациях, – он поправил на голове редкие седые волосы и не спеша, со знанием дела продолжил: – Нам предлагают Бога, которого никто не видел, и мы сейчас не знаем, на кого можно рассчитывать в столь сложной ситуации, – голос старика звучал негромко, и люди, затаив дыхание, ловили каждое его слово. – Бог там, на небе, – он поднял руку и тут же опустил ее. – Но здесь, на земле, у нас всегда был другой заступник, и вы все его знаете.

Исхак, ближе всех стоявший к старику, не выдержал:

– Кто это, отец?

– Этот заступник не раз спасал нам жизни.

– Говори, отец! Какой секрет ты знаешь? – подгонял Исхак.

– Деньги, милоч, деньги! – во взгляде старика мелькнула алчность, голос приобрел страстность, с которой обычно влюбленный юнец обращается к своей возлюбленной. – Золото – вот наше спасение. Каждый из нас, покинув Египет, взял что-то ценное, мы унесли с собой много золота, и ему сейчас надо поклоняться.

– Мы соберем золото! Но что делать дальше? – не унимался Исхак.

– Дальше? – повисла пауза. Иудеи с возбуждением и надеждой смотрели на маленького щедушного человечка, который вдруг в один момент превратился в исполина, от которого зависела их судьба. – Дальше? Надо собрать все золото и вылить из него Золотого Тельца, которому мы всегда поклонялись, до тех пор, пока не появился Моисей со своим Богом. Нам, конечно, было трудно в Египте, но, признайтесь честно, мы жили не так уж и плохо, а порой намного лучше, чем большинство тамошних жителей, и в этом нам помогал наш Золотой Телец. вспомните! Наши пальцы всегда ощущали золотые монеты, их холод согревал наши души, и мы видели реальную силу золота. Бог где-то там, на небе, но какой от этого толк? Чем Он помог нам? Свобода? В Египте мы могли купить себе еды, вина, за золото приобрести на ночь женщину, а когда чиновники и солдаты египетских фараонов прижимали нас к стенке, звонкая монета спасала нам жизнь. Так кто наш настоящий Бог и покровитель?

– Золото!!! – дружно подхватила толпа.

– Мы должны вернуться к своим истокам и преклонить головы перед Золотым Тельцом.

– Так что нам делать сейчас, отец? – Исхак опустил перед стариком на колено.

– Золото есть у каждого из нас! Надо собрать монеты, серьги, кольца, все украшения и вылить из этого запаса Золотого Тельца. Надо поторапливаться – времени у нас осталось мало.

– Правду говоришь, отец! – воодушевленный Исхак встал с колен. – Люди, выстраивайтесь в очередь, все сдаем свои богатства ради будущего каждого из нас.

Выстояв длинную очередь, иудеи бросали на разостланные на земле покрывала монеты и украшения. Большая гора образовалась у подножия Синая. Вскоре разгорелся большой костер, несколько человек начали плавить золото в больших чанах, другие готовили форму для нового божества из глины, добытой в окрестностях горы Синай. Работа кипела несколько дней. Евреи терпеливо ждали своего часа, позабыв о Моисее.

Первые лучи солнца третьего дня осветили гигантскую фигуру Золотого Тельца, который снисходительно смотрел выложенными рубинами красными глазами на гору Синай. Аарон проснулся, услышав негромкие странные звуки, он открыл глаза и выглянул из шатра. Несмотря на столь ранний час, почти все его соплеменники сидели на коленях перед гигантской статуей Золотого Тельца и тихо про себя читали молитвы и заклинания, вознося ладони к новому божеству, прося дары и спасение. Огромное пространство перед новым божеством было заполнено людьми, молящимися на золото. «Что я теперь скажу Моисею? – Аарон проклинал себя за слабость, проявленную перед грубой силой разъяренной толпы. – Почему я не убедил их не отворачиваться от истинного Бога? – Он хотел выйти, но в последний момент передумал. – Зачем мне быть там? Чтобы преклониться перед Золотым Тельцом, который стал главным Богом для моих сородичей?»

Его мысли прервал ужасающий грохот. Молящиеся люди замерли, повернув головы к горе. Грохотание усиливалось, огненные молнии яркими вспышками кромсали небо. Смертельно напуганные люди в ужасе воззрились на вершину Синая, откуда в небо на огромную высоту вырвался мощный огненный столб с красно-голубоватым свечением, вокруг которого медленно начало вращаться темное облако. Земля затряслась, послышался глухой гул из глубины. Перед евреями предстал сам Моисей, который спускался к подножию горы. В руках он держал две мраморные доски.

Глава 3

Вид у премьер-министра был уставший: глаза обрамляли темные круги от хронического недосыпания, большие почки и сахарный диабет постоянно напоминали о себе, старые боевые раны причиняли ноющую боль. В этот вечер он хотел отправиться в клинику, чтобы хоть немного поправить серьезно пошатнувшееся здоровье, но внезапный звонок руководителя «Моссада» перечеркнул планы. Конечно, можно было поручить вице-премьеру провести встречу, а самому заняться своим здоровьем, но Моше Шамон был ответственным человеком и понимал, что главный разведчик страны по пустякам беспокоить не станет. Последние два года выдались на редкость тяжелыми, став настоящим испытанием для руководителя правительства, в прошлом боевого генерала, героя нескольких войн, чье имя было вписано золотыми буквами в современную историю Израиля. Его негласный ставленник и тайный союзник слабовидящий и парализованный старец шейх Исин неожиданно объявил интифаду и призвал исламских сторонников к священной войне с иудеями. Моше Шамон счел такой поступок духовного деятеля, которого он оберегал от всех врагов, коварным предательством, ударом в спину.

Началась настоящая война исламских террористов против Израиля, и, несмотря на все усилия армии, полиции и «Моссада», остановить интифаду никак не получалось. К тому же усилились нападки левой оппозиции, которая, не стесняясь в выражениях, обвиняла правительство, с одной стороны, в бездеятельности в отношении исламских террористов, а с другой – в чрезмерной жестокости к палестинцам. Глава правительства внимательно слушал доклад директора «Моссада», непроизвольно потирая указательным пальцем висок. Информация главы разведки вызвала в его душе большую обеспокоенность. Как человек военный, он прекрасно понимал последствия находки, обнаруженной оперативником «Моссада» в мечети Аль-Акса.

Моше Шамон оторвал палец от виска и бросил взгляд на Кейлу Овальскую. Бывший военный генерал давно знал ее, еще со времен войны Судного дня и высоко ценил. Дослушав доклад директора «Моссада», премьер-министр замолчал на некоторое время, тщательно взвешивая в голове реальность угрозы. За последние десять лет на нервной почве он сильно прибавил в весе и из поджарого, подтянутого генерала превратился в обрюзгшего толстяка. Но на его по-прежнему благородном лице светились серые пронизательные глаза, от которых практически ничего нельзя было скрыть. Несмотря на возраст и болезни, премьер-министр мыслил ясно и масштабно, учитывая и взвешивая все детали. При этом все его действия были настолько оперативны, что даже самые ярые противники признавали руководителя правительства весьма незаурядным лидером, равных которому в Израиле не было. Моше Шамон, перебрав в уме все угрозы, повернулся к Кейле:

– Так вы, полковник, утверждаете, что эти знаки, найденные под полом в мечети, подлинны?

– Думаю, да.

– Странно, но как они попали туда? Мы же обследовали почти все, даже тайные тоннели под Храмовой горой.

– Я не знаю. События происходили много веков назад. Сейчас никто не может поручиться, что объект, который привлек наше внимание, не окажется в руках у исламских радикалов.

– Вот этого нам только сейчас не хватало, – резкий приступ головной боли вызвал появление темных пятен в глазах. Премьер-министр опустил веки, стараясь никому не показывать свою слабость. Боль немного ослабла.

– У нас есть еще одна проблема, – воспользовавшись образовавшейся паузой, промолвила Овальская. – Мы хотели опросить рабочих, которые меняли полы в мечети в ту злополучную ночь, их было тринадцать человек.

– И что они сказали? – Шамон внезапно оживился.

– Ничего, они все мертвы.

– Как?! Все мертвы?!

– Да, их нашли мертвыми в микроавтобусе на обочине дороги. Они, по всей видимости, возвращались домой.

– Это серьезное преступление. У вас есть какие-то версии, полковник? – премьер-министр озадаченно перевел взгляд на руководителя «Моссада», а затем снова на Овальскую.

– Убиты двенадцать человек, водителя на месте не оказалось. Мы объявили тринадцатого рабочего и водителя в международный розыск. – Полковник хотела еще что-то добавить, но передумала, однако опытный взгляд генерала уловил ее намерение:

– Так что вы еще хотели сказать?

– Я не хотела говорить, – Овальская запнулась, но потом, немного помолчав, продолжила: – Все двенадцать человек были убиты весьма странным способом. Кривым ножом им перерезали горло, так обычно в средние века убивали своих врагов янычары, но здесь нож прошелся от уха вниз горла, сделав крюк, вернулся к другому уху. Похоже на ритуальное жертвоприношение, но ради чего, никак не могу понять.

Шамон сжал губы, напрягая память:

– Я что-то слышал про такие убийства, но они, по-моему, совершались слишком давно, кажется, до вторжения римлян в Иудею. – Глава правительства потер лоб ладонью. – Это простое убийство, и, возможно, оно связано с вашей находкой в мечети Аль-Акса. Палестинцы могли быть причастны к этому преступлению?

– Не знаю, – Овальская покачала головой. – Все здесь так запутано, что разобраться сразу очень сложно. Возможно, к этому причастны люди из Фронта освобождения Палестины, а может быть, сторонники шейха. Но у меня нет достоверных сведений на этот счет. – Полковник сделала паузу, а потом осторожно, как бы между прочим добавила: – А возможно, к этим убийствам причастны совсем другие силы.

Премьер-министр и директор «Моссада» переглянулись.

– Кого вы имеете в виду, полковник?

– Я пока не знаю, но что-то мне подсказывает, что здесь другой, весьма странный след.

Поднимаясь на гору, Моисей стремился к лучу света, но, когда он взобрался на вершину, свет исчез и белый туман окутал гору, поглотив все вокруг. Моисей растерялся, не зная, что делать, ведь Бог звал его сюда, на гору Синай. Он сел на каменистую почву и стал ожидать появления Всевышнего. Две недели пророк на коленях, вознося открытые ладони к небесам, молился, призывая Бога уделить ему хоть толику внимания. Он лишь изредка позволял себе короткий сон и скудную пищу. «Господи! Обращаюсь к Тебе, Отец наш небесный, помоги мне, дай нужный совет, я выполню любую Твою волю, подскажи, как найти путь для моего народа! Я не знаю, что сейчас делать. Люди голодают, заканчивается вода, вокруг пустыня, страшная жара – мы обречены на смерть. Мой народ молится на Тебя, веруя всей душой, и все надежды свои возлагает только на Твое покровительство и защиту».

Долгие часы Моисей смотрел на небо, покрытое густым туманом, с каждым часом теряя веру в то, что Всемогущий Бог придет на помощь. Ноги отекали, колени стерлись до крови, а белая одежда стала серой и истрепанной. Пророк сильно исхудал, нестерпимая жажда одолевала со страшной силой, но он терпеливо ждал своего часа. Моисей потерялся во времени и в пространстве, под глазами появились темные пятна, голова кружилась, в ушах все звенело от

изнеможения. Он распластался на камнях от бессилия и уже начал терять сознание, как яркий луч осветил его в кромешной тьме.

– Моисей! – голос звучал с небес, отдаваясь металлическим эхом. – Ты ждал меня?

Пророк слабеющим голосом смог прошептать всего несколько бессвязных слов и почувствовал, как поток прохладного воздуха охладил его голову. Пошел дождь, неся живительную влагу. Моисей беспомощно хватал капли воды своими пересохшими губами, медленно приходя в себя. Наконец, пророк набрался сил и промолвил: «Господь Бог, выслушай меня, раба своего».

Разговор шел долго. Луч света, идущий с небес, озарял пророка в кромешной тьме. Утром Моисей очнулся на камнях. Голова была ясная, он не чувствовал голода и жажды, грязные изорванные одежды блестели белизной и благоухали ароматами далеких лугов. Он медленно поднялся на ноги. Впервые за долгое время над горой голубым куполом возвышалось небо. Пророк осмотрелся по сторонам, не понимая, что с ним произошло. Он был одет в новую тунику, на ногах красовались кожаные сандалии, рядом лежали две небольшие мраморные плиты. Еще не понимая, что происходит, Моисей взял плоские камни в руки и направился вниз, к своему народу. Память стала постепенно восстанавливать картину прошедшей ночи. Послышались слова Бога: «Моисей, веди своих людей дальше и не бойся ничего, я спасу твой народ, только очисти евреев от алчности и влияния золота. Помни, только вера очистит души, сделает иудеев самым влиятельным народом мира, ибо только твоему роду я позволил общаться со Мною напрямую».

Неся благую весть людям, Моисей спускался с Синаи счастливый как никогда. Вдруг он замер. Пред его взором предстала странная картина. У подножия горы, возвышаясь над толпой, сиял золотой слиток в виде большого Тельца. Пророк протер вспотевшее лицо рукавом туники, не веря своим глазам. Его народ молился на главный символ зла – золото. Гневу Моисея не было предела, он громко крикнул, и, к его собственному удивлению, голос прозвучал оглушительным раскатом, как будто кто-то усилил его в тысячи раз, и разнесся по пустыне страшным рокотом: «Презренный народ! Сам Бог протянул вам руку, а вы?!»

Моисей ударил о землю одну из каменных досок. Неимоверный грохот потряс всю землю, небо внезапно покрылось темными тучами, заслонив солнце. Ясное утро сразу же сменилось мрачными сумерками. Наступила ночь, которая обещала стать вечностью для многих евреев. Страх парализовал волю людей, они безропотно опустились еще ниже на землю, не зная, как поступить дальше. Где-то в небе среди плотных черных туч образовался маленький просвет, и яркий лучик солнца упал на Золотого Тельца. Изваяние сразу вспыхнуло яркими огнями, осветив золотом пустыню. Все увидели Моисея, он был страшно бледен, глаза, наполненные гневом, сверкали ненавистью и презрением ко всему человечеству, а перекошенное от боли лицо выражало такие мучения, что каждому, кто увидел пророка в этот момент, стало не по себе. Однако блеск золота вновь ослепил евреев. Первым очнулся Исхак, он неторопливо встал с колен.

– Моисей! Зачем ты хочешь нас запугать? Мы верили в Бога и отдали свои судьбы в твои руки.

Поглощенный гневом пророк не смог подобрать в этот момент нужных слов, негодование полностью захлестнуло его:

– Да как ты смеешь, нечестивец, перечить мне? Ты Бога не боишься?

Исхак, к изумлению всех евреев, оставался спокойным и рассудительным.

– Моисей, ты не фараон, чтобы со мной так разговаривать, а мы не твои рабы. Нам обещали свободу и рай на земле. Мы не просили у тебя богатства и даров небесных, – молодой мужчина подошел почти вплотную к пророку, перебарывая страх. – Ты обещал нам землю, на которой мы будем трудиться, строить свое жилье, растить детей и никогда больше не знать, что такое рабство. Это были твои слова?

Дерзкое поведение молодого еврея заставило пророка растеряться:

– Вам дал свободу наш Всемогущий Бог! – пророк поднял свободную руку к небу. – Я всего лишь выполняю волю Отца нашего небесного.

– Но где же Он, твой Бог, сейчас? Наши дети умирают, старики еле волочат ноги, женщины голодные, а мужчины находятся в полном отчаянии, потому что не могут ничем помочь своим родным. И куда же делся твой Бог, коль позволяет нам медленно и мучительно умирать в этой безжизненной пустыне?

– Не богохульничай! – пророк не выдержал, его лицо побагровело, по щекам пробежала дрожь от невыносимого напряжения. – Бог испытывает нас! Вы, презренные, не понимаете, что мы народ избранный, а тех, кого Всевышний любит, он подвергает испытаниям.

Моисей хотел ударить возмутителя спокойствия, но Исхак не дрогнул и смотрел ему прямо в глаза:

– Я повторяю, мы не рабы, а свободные люди. Ты же сам сказал, что так решил твой Бог. – Пророк остановился, пораженный такой смелостью некогда забитого мелкого лавочника. Бунтарь, не опуская взгляда, продолжил: – Так тебе нужна была власть, а не наша свобода?

Моисей совсем растерялся, а Исхак, почувствовав поддержку людей, решительно пошел в наступление:

– Ты придумал Бога ради власти! Его нет. Никто кроме тебя не видел Отца небесного, он существует только в твоей фантазии. Мы не верим тебе.

Люди один за другим начали вставать с колен, окружая пророка со всех сторон.

– Нельзя верить в то, чего не видят наши глаза, не слышат наши уши и не ощущают наши пальцы. Так ведь, люди?

Толпа дружно загудела, поддерживая своего зачинщика.

– Отрекись, Моисей, от своего Бога и стань одним из нас, преклони колено перед нашим главным символом – Золотым Тельцом! – чья-то рука сзади попыталась наклонить Моисея, чтобы опустить его на колени перед золотым изваянием. Но пророк резко выпрямился.

– Опомнитесь, люди! Вы избранный народ, только вам Господь даровал такую щедрость. Не замарывайте себя нечестью.

Но блеск золота усиливался, ослепляя людей еще сильнее. Руки со всех сторон вцепились в Моисея, пытаясь склонить голову пророка. Колени подкашивались, тяжесть прижимала к земле, казалось, еще немного – и Моисей сломается под давлением толпы. Но он, прикусив нижнюю губу до крови, взревел нечеловеческим голосом, как раненый зверь, и, преодолевая страшную боль, выпрямился во весь рост. Пророк поднял над головой каменную дощечку и со всей силы ударил ее о землю:

– Будьте вы прокляты, предатели!

Глава 4

В комнате было сумрачно из-за плотных штор, наглухо закрывающих окна. Солнечные лучи едва пробивались из-под карниза, тускло освещая большой диван, покрытый толстым персидским ковром. Пожилой человек в простой белой хлопчатобумажной рубахе до пят, сидя в инвалидном кресле, работал за столом с зеленой лампой. Капюшон покрывал седую голову, обрамляя бледное, болезненного вида лицо, повсеместно изрезанное глубокими морщинами. Мягкие черты тонких губ говорили о чувствительности и внутренней доброте, при этом орлиный нос подчеркивал железную волю старца. Его высокий лоб безошибочно подсказывал, что мудрости этому человеку не занимать. Портрет хозяина комнаты можно было бы на этом закончить, но одна деталь существенно дополняла образ старца – это его глаза. Они были настолько чистые, хотя и подслеповатые, что любой человек при встрече с ним сразу преклонял голову, ощущая идейность мудреца. Последний маленький штрих – длинная седая борода – завершал портрет шейха Ахмета Исина, придавая ему облик святого человека. Старик с трудом поворачивался в инвалидном кресле, поправляя очки в роговой оправе с невероятно толстыми линзами. Он с трудом различал буквы, которые писал на бумаге, но тем не менее из-под его пера рождалась довольно объемная статья. Рука уставала писать, а глаза от сильного напряжения слезились. Шейх быстро утомлялся, но все равно работал каждый день по четырнадцать часов без отдыха.

Исин был доволен тем, что завершил очередное воззвание к своим единоверцам, в котором призывал продолжать борьбу против иудейских захватчиков. Отложив бумаги в сторону, он достал из кармана рубахи платок и хотел было вытереть глаза, как вдруг за окном раздались взрывы бомб. В комнату вбежал перепуганный Саид, телохранитель старца, крупный мужчина лет пятидесяти. Он, не раздумывая и не говоря ни слова, схватил инвалидную коляску и, прижав ее к себе вместе с шейхом, бросился из дома в специальный подземный бункер, спасая старца от очередного налета израильской авиации. Исин попробовал было возмутиться, но Саид, не слушая старика, добросовестно исполнял свою миссию – оберегал духовного лидера революционной организации «Хамам» от любой угрозы.

Семьи у Саида не было, личной жизни тоже, все последние тридцать лет он посвятил только одному человеку – шейху Исину, ни на минуту не оставляя его в одиночестве. Впервые они встретились в израильской тюрьме, где несколько лет отбывали срок в одной камере по обвинению в терроризме. Оба ненавидели оккупантов Палестины и вместе перенесли трагедии своих семей, погибших от осколков бомб, сброшенных израильской авиацией. За это время они сильно привязались друг к другу. Обычно в заключении дни тянулись мучительно долго, нагоняя тоску своим однообразием и серостью. Но в компании с Исиним время для Саида пролетало как одно мгновение. Шейх открыл Саиду откровение и первозданную истину этого мира, ранее недоступную и непонимаемую здоровяком.

Однажды ранним утром в камеру внезапно ворвались охранники. По разгневанным лицам тюремщиков Саид понял, что его другу угрожает опасность. Он вскочил с кровати, на его лице застыло дикое напряжение. Не успел шейх проснуться, как охранники грубо и бесцеремонно начали толкать полупарализованного человека. Здоровяк грудью бросился на защиту шейха и вытолкнул израильтян из камеры. Через несколько минут в камеру ворвались бойцы специального назначения и избili Саида до полусмерти. Они силком выволокли несчастного шейха и утащили в неизвестном направлении. Как потом оказалось, его освободили из тюрьмы по загадочному решению, пришедшему откуда-то сверху, вопреки яростному протесту тюремного начальства. Причиной освобождения якобы стало резко ухудшившееся здоровье Исина. Пока спецназовцы связывали Саида, жестко заламывая ему руки за спину, шейх успел шепнуть ему: «Не волнуйся, друг, я тебя не оставлю».

Мужчина не поверил Исину, за борьбу против оккупантов его приговорили к двадцати годам тюремного заключения, и он смирился с тем, что всю свою жизнь проведет несвободным, но теперь жизнь без шейха стала для него настоящим адом. Через неделю Саида странным образом освободили из заключения. Он вышел из тюрьмы с тяжелым камнем на сердце: семья погибла, дом разрушен, найти работу с таким прошлым невозможно. За душой у него не было ни гроша. Свежий воздух не радовал борца за свободу Палестины. Он стоял перед воротами тюрьмы, не зная, что делать дальше. Рядом резко остановился микроавтобус.

– Эй ты! Садись в машину.

Здоровяк, недоверчиво пожав плечами, с удивлением посмотрел на молодого водителя.

– Это вы мне?

– Да, а кому же еще? – парень за рулем явно спешил.

– Вы меня с кем-то перепутали?

– Нет! Садись, там разберемся.

Саиду было все равно, что будет с ним дальше. Он покорно открыл дверь и сел в микроавтобус. В салоне было темно, только впереди маячил чей-то силуэт. Кто-то сидел на переднем сиденье рядом с водителем, лица не было видно. Пассажир повернулся, и Саид к своему изумлению увидел благородное лицо шейха.

Атака израильской авиации продолжалась почти двадцать минут. Взрывы раздавались совсем близко – в соседнем квартале, где они разрушали до основания дома мирных жителей. Вскоре наступила тишина. Телохранитель внимательно прислушивался к звукам: «Кажется, пронесло». Он взял шейха на руки и с легкостью отнес обратно в дом. В этот момент раздался стук в дверь. Телохранитель незаметно достал из кармана пистолет и бесшумно подошел к входной двери:

– Кто там?

– Откройте, это я, Захид Саким, – раздался негромкий голос снаружи.

Телохранитель осторожно приоткрыл дверь, окинул взглядом гостя:

– Ты один?

– Да.

Саид пропустил гостя, незаметно шепнув ему на ухо:

– Шейх очень устал, говори коротко и долго не задерживайся.

Вошедший мужчина средних лет кивнул в знак согласия. Он прошел в комнату и преклонил колени перед Исиним:

– Ассалам алейкум, уважаемый. Прошу прощения, что оторвал вас от дел, но у меня неотложные новости из Иерусалима.

Шейх прикрыл глаза, вспоминая старинный город, который стал камнем преткновения между двумя народами. Когда-то ему приходилось встречаться там со многими влиятельными людьми из России и Америки, выслушивать их внимательно и кивать в знак понимания. Он слегка кивнул:

– Ва-aleyкум салам.

– Святейший, у нас проблема, – в голосе гостя слышалась тревога.

– Опять агенты «Моссада» арестовали наших людей? – спросил Исин, с напряжением пытаясь разглядеть выражение лица одного из своих немногих помощников, которых к нему допускали. Но кроме силуэта шейха ничего не мог разобрать. Последние годы его зрение катастрофически ухудшалось.

– Нет, святейший. Аресты наших людей идут постоянно, но мы отвечаем на удары врага двойным ответом. Потеряв одного человека, мы бросаем в бой двух новых. Тут случилось нечто неординарное. Более сложное, чем война с врагом!

Исин удивленно вскинул брови:

– Но разве битва с противником не самое главное в нашей жизни?

– Да, конечно, – гость прильнул к руке шейха.

Старик почувствовал, что губы помощника дрожат.

– Так, что случилось? – Исин говорил тихо и спокойно, отчего у мужчины еще сильнее затряслись поджилки.

– Вчера убили Амина аль-Хусейна, прямо в мечети.

Лицо шейха вмиг осунулось и потемнело от глубокого внутреннего переживания.

– Кто это сделал? – едва сдерживая рыдания, произнес старец. – Опять агенты «Моссада»?

Тонкими костлявыми пальцами он стал ощупывать лицо помощника, стараясь понять искренность гостя, потом, осторожно отодвинув в сторону голову посетителя, продолжил:

– Нет, это не израильтяне, они не столь глупы, чтобы брать грех на душу прямо в храме. Может быть, это работа Фронта освобождения Палестины? Они ведь не веруют ни во что, кроме своих социалистических идей.

Помощник молчал, склонив голову к коленям шейха.

– Нет, на такое они не решились бы никогда, – Исин прикусил губу от досады. Амин аль-Хусейн был его близким другом еще с юных лет, и боль утраты сразу кипящим железом заполнила душу.

– Святейший, за день до убийства в мечети делали ремонт рабочие из Вифлеема, они меняли полы в храме, под утро к имаму пришел Заур, чтобы поделиться какой-то новостью. Амин аль-Хусейн прошелся с рабочим по мечети и был страшно изумлен. Я разговаривал с его помощником, и тот рассказал мне, что имам после беседы с людьми из Вифлеема был сильно взволнован. По окончании пятничной молитвы он заказал машину, чтобы отправиться к вам за советом. Но водитель не дождался имама. Правоверные покинули Аль-Аксу, и помощник хотел проводить Амина аль-Хусейна к автомобилю, но обнаружил его мертвым прямо посреди мечети.

– Вы нашли тех рабочих? – шейх стал похож на мраморное изваяние: лицо замерло, руки не двигались, казалось, что даже дыхание остановилось.

– Да.

– И что они говорят?

– Их нашли мертвыми, каждому перерезали горло.

– Неужели это дело рук правоверных? – шейх бросил болезненный взгляд на помощника.

– Нет! Убийства очень странные, таких я еще не видел.

Лицо Исина передернулось от нервной лихорадки. Саид первым заметил изменения в поведении шейха и бросился к старцу.

– Все, уходи! – бросил телохранитель на ходу Захиду Сакиму, подхватывая теряющего сознание Исина.

Моисей выпрямился во весь рост, подняв над головой каменную дощечку, он со всей силы швырнул ее на землю: «Будьте вы прокляты, предатели!» Но его слова не произвели должного эффекта на потерявших разум людей. Золотой Телец заблестел еще сильнее, уничтожая последние остатки разума иудеев. Со всех сторон к пророку потянулись руки евреев, желавших убрать все то, что мешало им идти по дороге, высвеченной золотым божеством. Моисей приготовился к худшему, проклиная тот день, когда вступился перед фараоном за свой народ. Он закрыл глаза и мысленно обратился к Богу: «Отец наш небесный, помоги моим людям, они сами не осознают, что творят. Верни им разум, если надо – заberi мою жизнь, но сделай, чтобы народ мой очнулся и прозрел». Сотни жестких пальцев со страшной злобой сдавили тело пророка. Моисей успел только поднять голову к небу, обращаясь с последними словами к Богу.

Страшный грохот потряс землю до основания. В одно мгновение все замерли. Черные облака закрыли небо, стало темно, и только Золотой Телец еще слабо поблескивал, тускнея на

глазах. Темноту осветила необъятная вспышка, похожая на неземной разряд молнии. Яркий ослепляющий луч вырвался с небес и со всей силы ударил в божество. Золотой Телец, горделиво возвышавшийся над людьми, затрясся; красные рубины, не выдержав напряжения, выкатились из глазниц и на глазах у изумленных иудеев начали падать на землю, словно капли крови. Не успели они достичь песка, как божество в испуге сжалось в ком, утратив свои очертания, а затем, в последний раз вспыхнув красным огнем, разорвалось на миллионы маленьких частиц. Евреи в панике ринулись к пророку, падали на колени, закрывая глаза от ужаса и обхватывая головы. И только Моисей стоял посреди миллионов своих соплеменников, гордо смотря на небо.

Вершина Синая осветилась необычным огнем: широкий столб голубого огня пробил темноту. Луч уходил в бесконечность, освещая черные облака от горизонта до горизонта кроваво-багровым светом. Земля, гора, люди стали ярко-алого цвета, словно потоки крови потекли по пустыне, готовые утопить все живое. Облака зловеще закружились вокруг огненного столба, угрожающе закручиваясь в тугие канаты. Они неумолимо уплотнялись, двигаясь по спирали со страшным гулом, неторопливо опускаясь вниз, как огромные жернова, готовые стереть все на своем пути.

Моисей в нервном исступлении смотрел на небо полными слез глазами, охваченный слепой обидой на свой народ. Он ни о чем не думал, пораженный неблагодарностью людей. Однако страшный гул, доносившийся с неба, привел его в чувство, пророк вдруг опомнился и в ужасе отшатнулся от происходящего вокруг. Его любимый Бог не на шутку прогневался на людей. Засверкали молнии, скрежет с неба стал нарастать, тучи пугающе опускались все ниже и ниже.

Исхак лежал, распластавшись на песке. Не имея смелости бороться за жизнь, он приготовился к мучительной смерти, но поднял голову к небу, не желая умирать трусом. С самого раннего детства Исхаку все время приходилось приспосабливаться к тяжелым условиям жизни, терпеть унижения и даже побои. Он был заботливым и чувствительным ребенком, но его доброту не ценили, принимая лучшие качества за слабость. Вся жизнь пролетела перед глазами в несколько мгновений. В свои двадцать лет Исхаку не хотелось умирать, но он твердо решил уйти из этого мира с достоинством, которого ему так не хватало раньше. Где-то рядом раздавался плач грудного ребенка, мужчина услышал голос своего сына, сердце резанула острая боль, он стал оглядывать по сторонам, ища свою семью. В этот момент глаза Исхака встретились с болезненным взглядом пророка. Он бросился к ногам Моисея:

– Прошу тебя, прости нас грешных! Голод и предчувствие мучительной смерти помutilи наш разум. Ты вправе покарать каждого из нас, но не губи детей! Дай возможность им увидеть мир, познать любовь. Дай шанс на жизнь! – Исхак обнял колени пророка. – Принеси меня в жертву ради всех остальных, возьми мою душу, подвергни меня самым жестоким наказаниям. Спаси наши семьи. Мы возлюбим нашего Отца небесного и больше никогда не будем оступаться.

Бунтарь зарыдал. Сострадание наполнило сердце Моисея. Пророк внезапно обмяк, осознавая, что гнев Божий может погубить весь его род. Он вскинул руки к небу:

– Господи, прошу Тебя, пощади мой народ! Прости слабости человеческие. Возьми жизнь мою, дабы искупить все обиды, нанесенные Тебе. – Моисей резко обернулся к людям: – Молитесь нашему Господу, презренные! Просите прощения!

И иудеи вскинули руки к небу, читая молитвы искупления. Гул нарастал, тучи опускались ниже, поднялся яростный ветер. Страх парализовал волю людей, и они застыли в ожидании жестокого наказания.

И в тот момент, когда евреи приготовились к смерти, детский плач пронзил шум стихии. Буря смолкла, наступила тишина. Тучи разошлись, голубое небо раскрылось над пустыней, яркий свет озарил людей.

– Народ иудейский! – с неба зазвучал громовой голос. – Веруете ли вы в Меня?

– Да! – глухим эхом разнеслось по пустыне.

– Будете ли исполнять мои заветы и жить по ним?

– Да! – снова пронеслось над землей.

– Я выбрал вас, иудеев, чтобы вы несли слово мое через многие века вперед.

Миллионы голов склонились в полном почтении и понимании, что требует от них Бог.

– Но искупать свою вину придется долго! Путь к Земле обетованной будет трудным! Но Я всегда буду с вами. Готовы ли вы, Мною избранный народ, искупить тяжелыми испытаниями свои заблуждения?

– Готовы! – головы склонились к земле.

Моисей заметил рядом с собой луч света, который был едва заметен на фоне яркого дня. Вдоль луча, словно по невидимому тоннелю, с неба на землю медленно опускался большой блестящий ящик. Сундук оказался у ног пророка, он был закрыт, а на его крышке между двумя позолоченными фигурками ангелов лежали две каменные дощечки, на которых были выгравированы заповеди. Только сейчас Моисей вспомнил слова Господа, сказанные на вершине Синая.

Саид бережно укладывал старца, краем глаза наблюдая, как покидает дом гость, принесший страшную новость. Лицо шейха скривилось от боли, он пытался приподняться, но судороги начали выкручивать сначала руки, затем перекинулись на ноги, вызывая мучительные страдания у старика. Телохранитель обложил Исина со всех сторон бархатными подушками, подошел к столу, нашел нужное лекарство и шприц, осторожно сделал укол больному старику, стараясь как можно быстрее облегчить его мучения. Голова шейха задергалась, глаза закатились, он начал задыхаться. Саид осторожно приподнял голову друга, нежно поглаживая горящий лоб Исина широкой ладонью. Приступ длился минут десять. Под действием лекарства боль стала отступать. Старец лежал бледный, с перекошенным лицом, пустые глаза были устремлены в потолок. Телохранитель заботливо взял шейха на руки, глядя на него с состраданием, понес во двор, в углу, которого стоял ничем не примечательный старенький микроавтобус скорой помощи. Пора уезжать отсюда. Саид опасливо оглядывался по сторонам, он не доверял никому. Шейх для него был смыслом жизни, и телохранитель прекрасно знал, сколько влиятельных людей не только в мире, но и в самой Палестине желали смерти этому мудрому старцу.

К счастью, Саид обладал нечеловеческим предчувствием опасности, он умудрялся непонятным образом почувствовать ее еще до того, как она превращалась в смертельную угрозу. Месяц назад в Хевроне шейх прибыл на территорию Западного берега реки Иордан на встречу со своими сторонниками. В поездку были учтены все меры предосторожности, по ходу движения несколько раз менялись маршрут, машины и одежды. В город шейх въехал не по основной трассе, а по заброшенной тропе, про которую почти все забыли. Дом, в котором была назначена встреча, размещался в старинном квартале, среди узких улочек. Надежная охрана разместилась по всему кварталу. Безопасность была на высшем уровне. Шейх должен был прочитать молитву и посвятить соратников в новые задачи движения в закрытом от посторонних глаз помещении. Хозяин дома Валид, член «Хамама» с десятилетним стажем, был проверенным, надежным человеком. Широкоплечий мужчина сорока лет, высокого роста, с открытым волевым лицом, излучающим доброжелательность и истинную веру в дело, которому он служил. У него был прекрасный послужной список борьбы за правое дело.

Саид оценивающе окинул взглядом Валида и остался вполне доволен хозяином дома. Телохранитель направился к шейху, как вдруг неожиданно остановился, ощущая неясную тревогу. Он быстро повернулся. Что-то во внешности Валида было не так. Хозяин дома по-прежнему улыбался, но в его глазах Саид увидел странный отблеск. Не подав виду, телохранитель обошел весь дом, поднялся на крышу и обратил внимание на спутниковую тарелку. Ее цвет едва заметно отличался от окраски подобных тарелок на других крышах. Приглядевшись, Саид

заметил, что она была перекрашена и к ней прикреплена дополнительная черная коробка. В душу телохранителя пробрался смрадный холод, он быстро спустился вниз, ища старца глазами. Шейх, окруженный сторонниками, мирно беседовал, сидя в инвалидном кресле. Саид, растолкав собравшихся людей, бесцеремонно, ничего не объясняя, схватил коляску в охапку вместе с Исином.

– Здесь нельзя находиться, – тихо шепнул телохранитель старцу на ухо и быстро, не слушая никого, вынес его из здания.

Шейх попробовал возмутиться:

– Почему ты командуешь мной, здесь собрались все мои соратники, в каком свете ты выставляешь меня перед ними?

– Ты не должен здесь находиться. Проведем встречу в другом квартале.

Исин пытался настоять на своем, но Саид был непреклонен. Шейху пришлось провести беседу в доме, расположенном в соседнем квартале. Когда шейх читал молитву, призывая своих последователей к священной войне с иудеями, совсем рядом раздался мощный взрыв. Дом, в котором должна была проводиться встреча, накрыла крылатая ракета, ни оставив от него практически ничего.

За последние три года Саид сумел предотвратить почти сорок покушений на шейха, умело избегая засады, постоянно запутывая следы и вычисляя предательства, которые плотной стеной преследовали духовного лидера «Хамама».

– Мой друг, тебе стало лучше? – с большой теплотой в голосе поинтересовался Саид у Исына, укладывая его в салон микроавтобуса. Старик открыл глаза, тяжело дыша, он попытался улыбнуться.

– Все хорошо, мой ангел-спаситель, – Исин перевел дыхание. – Мы опять уезжаем?

– Да. В этом доме больше оставаться нельзя.

Глаза шейха стали влажными от чувства благодарности, он с пониманием кивнул:

– Спасибо, я знаю, что ты все делаешь правильно.

Исин закашлялся. Саид с болью на лице улыбнулся:

– Все будет хорошо, друг.

Он закрыл дверь, и микроавтобус резко тронулся с места. Машина скорой помощи на огромной скорости, включив сирену и ловко объезжая большие воронки на дорогах, направилась в сторону Египта.

Глава 5

Эфраим Галиви, сидя за массивным дубовым столом, со своими помощниками и заместителями слушал доклад руководителя управления Кейлы Овальской. Позади него на стене красовалась надпись на иврите: «Хитростью и обманом ты должен вести войну». Этот лозунг появился еще на этапе зарождения тайной разведки в одна тысяча девятьсот сорок восьмом году, когда судьба еврейского государства повисла на волоске. Все арабские соседи, объединившись в один мощный кулак, пошли войной на только что появившийся Израиль, но Бог благоволил сынам Иудеи, и враг был разбит. И в этом была большая заслуга «Моссада», который смог найти слабые места в боевой мощи недружелюбных соседей. Потом были еще войны и победы, но самой важной всегда оставалась первая битва, в которой укрепился дух еврейского народа. Со временем «Моссад» из небольшого управления разведки превратился в самую могущественную в мире спецслужбу, которая пустила свои незримые щупальца по всему миру. Сначала выискивая нацистских преступников во всех уголках земного шара, потом помогая бежать в Израиль всем евреям, которых угнетали правительства тоталитарных стран, и, конечно, борясь с палестинцами, не желавшими признавать оккупацию евреями их земель.

Эфраима Галиви не особо любили сотрудники «Моссада» за его замкнутость и нелюдимость, но больше всего – за странную привычку долго молча смотреть на человека немигающим взглядом, выворачивая все внутреннее содержимое наружу. Однако все знали, что скрыть что-либо от директора «Моссада» было невозможно, он замечал малейшее изменение в поведении человека и обладал уникальным даром читать мысли людей. Несмотря на невзрачную внешность, даже можно сказать серость, Эфраим Галиви был человеком с незаурядными способностями, он в совершенстве владел десятью языками, при этом умудрялся говорить на разных диалектах. Обычно таких людей относили к гуманитариям, но директор «Моссада» был одним из лучших математиков, хотя открыто никогда не демонстрировал свои способности. Молчаливый, замкнутый, всегда внешне спокойный, Эфраим Галиви никого не допускал в свой внутренний мир, в эту сверхсекретную лабораторию, где с грохотом и невероятной скоростью все двадцать четыре часа в сутки без выходных работали самые мощные в мире компьютеры. Ни один факт, слово, жест – ничто не проходило мимо директора «Моссада». Мелочей для него не существовало. Если в его мозг попадала хоть одна, даже самая ничтожная деталь, включалась мощнейшая аналитика, и тут же запускался скрупулезный поиск всего остального, что должно было создать единую картину. Она формировалась из множества хаотично разбросанных образов, которые при умелом подборе давали ответ на любой вопрос.

Эфраим Галиви немигающим взглядом смотрел прямо в глаза Кейлы, невольно читая мысли одного из лучших специалистов «Моссада»: «Как же одиноко этой женщине сейчас. Надо ее хоть с кем-то познакомить, а то ведь так и умрет от тоски. Таких спецов надо беречь». Галиви опомнился и переключился на доклад Кейлы:

– Так вы утверждаете, что рисунки нашли под полом в мечети?

Неожиданный вопрос привел Овальскую в замешательство.

– Да, так говорит мой агент, которому можно доверять. Косвенным подтверждением являются также убийства рабочих.

– Но как они могли оказаться в Аль-Аксе? – Эфраим Галиви опять устремил свой немигающий взгляд на Кейлу.

– Я не знаю, – полковник Овальская беспомощно развела руками, а потом опустила их на стол.

– Странно, – директор «Моссада» посмотрел в сторону человека в светлом костюме, сидящего напротив него. – Совсем забыл, коллеги, – обратился он к своим подчиненным и

руководителям главных управлений. – Хочу представить вам ведущего специалиста по истории иудаизма, профессора Иерусалимского университета Арона Дьяху.

Худощавый мужчина встал и слегка кивнул всем в знак приветствия. На вид ему было лет пятьдесят, приятной внешности, с пышной шевелюрой, которую слегка посеребрила благородная седина. Он немного нервничал, поэтому часто поправлял очки на тонком длинном носу. Собравшиеся повернули головы в сторону ученого. Профессор сел, еще больше смутившись из-за внимания столь серьезных людей. Он долго не мог понять, почему его пригласили на встречу в «Моссад», в столь закрытую организацию, про которую ходят не самые приятные слухи. Эфраим Галиви тоже кивнул в знак приветствия и передал ученому несколько листовки бумаги, на которых были изображены какие-то странные рисунки.

– Скажите, вам знакомы эти символы?

Профессор взял рисунки и стал внимательно рассматривать их, его руки внезапно затряслись, а глаза расширились и заблестели. Он попытался овладеть собой и поправить очки, но у него ничего не получилось. От взгляда директора «Моссада» не ускользнуло крайнее удивление ученого.

– Это... ммм... как вам сказать... это закодированные древние писания. Они относятся к эпохе правления царя Соломона, десятый век до нашей эры.

– Вы не ошибаетесь, профессор? – в разговор вмешалась Кейла. – Почему вы решили, что надписи относятся к этому периоду?!

Арон Дьяху вспыхнул от возмущения:

– Вы разве не видите, что на рисунке изображен вот этот знак! – он ткнул пальцем в рисунок. – Это символ царя Соломона, а теперь взгляните на буквы, даже невооруженным глазом видно, что это закодированная древняя информация именно того периода, скрывающая какой-то очень важный секрет.

– Вы можете его расшифровать, профессор? – директор «Моссада» оживился, разгадывать сложные шрифты и тайны было его коньком.

– Скорее всего, нет! Но зато я точно знаю, о чем идет речь! – ему наконец удалось поправить очки, и Арон Дьяху пальцем ткнул в рисунок под буквами. – Здесь изображен первый храм, вы видите?

– Первый храм? – хором переспросили все собравшиеся в кабинете.

– Он был построен при царе Соломоне, а после его смерти разрушен.

– Мы это знаем, он исчез очень давно! – перебила его Овальская. – Я много слышала о нем, но большинство историков считают, что это всего лишь миф, как и то, что самого царя Соломона никогда не существовало. Никто и не видел ни храма, да и про сына Давида рассказывается только в Библии. Это мифы древних евреев, чтобы выделить себя на фоне всех остальных народов.

– Да что вы говорите, уважаемая! – профессор сердито фыркнул на руководителя управления, будто в этот момент задела его честь, а не царя Соломона. – Царь Соломон – мудрейший правитель всех времен и народов. Именно он построил первое культовое сооружение на Храмовой горе, на которой сейчас размещена мечеть Аль-Акса. А знаете, для чего был построен первый храм?

– Для чего? – Кейла под горящим взглядом всемирно известного ученого почувствовала себя неловко.

– Вот то-то и оно. В нем хранился под неусыпной охраной Ковчег Завета, – ученый сделал паузу, углубляясь в символы на листке. – Мне что-то подсказывает, что в этих надписях содержится разгадка самой большой тайны древнего мира, – он опять увлекся чтением, не обращая внимания на собравшихся. – Скажите, а где находится оригинал рисунка и можно ли мне хоть мельком взглянуть на него?

Овальская бросила вопросительный взгляд на директора. Тот едва заметным кивком головы дал добро.

– Оригинал находится под полом мечети Аль-Акса, – сказала Кейла.

– Здесь, в Иерусалиме?! – руки Арона Дьяху снова задрожали, но уже от радости. – Дозвольте мне посмотреть на них.

– А вот этого мы не можем вам позволить, – Эфраим Галиви сразу остудил пыл ученого. – Территория мечети – достояние мирового ислама, и любое проникновение туда вызовет настоящую войну.

– Эта находка представляет важнейшее значение для всего мира!

– Вы действительно так считаете, профессор? – директор «Моссада» буквально впился в глаза профессора.

– Вы атеисты и не веруете в Бога. Вам этого не понять. А без веры величайшую тайну мира вам не разгадать.

Эфраим Галиви, перекинувшись взглядами с Кейлой Овальской и поняв, что дальнейший разговор стоит перенести на потом и провести его в другом формате, закрыл совещание, предварительно взяв с профессора подписку о неразглашении содержания проведенной беседы.

Голос, доносившийся с неба, затих, пустыня погрузилась в зловещую тишину. Все кругом было окутано пеленой. Евреи с трепетом в душе замерли, ожидая свое будущее, которое теперь полностью зависело от одного человека, который возвышался посреди пустыни над необъятным морем покорно приклонившихся голов. Моисей смотрел на небо, ожидая чего-то. Но небеса молчали. Пророк не мог сдвинуться с места в ожидании знака свыше. В это время в глухой тишине раздался слабый детский плач. Моисей очнулся. Малое дитя призывало его к действию. Первым к нему подполз на коленях Исхак, он с умоляющим видом смотрел на пророка:

– Помогите нам, дети умирают, они хотят есть. Они не виноваты в наших грехах. Бог сможет нас простить, Он Великодушный, и мы обязательно искупим вину, будем выполнять любую волю Всевышнего и твою, но спаси наших детей.

Моисея окружили тысячи людей, они в отчаянии протягивали к нему руки, моля только об одном – о спасении малышей от страшной мучительной смерти. Моисей по-прежнему стоял, глядя на небо, он не знал ответа на просьбы людей. Неожиданно яркий ящик загудел. Евреи насторожились, услышав странные звуки, затем начали боязливо отходить как можно дальше от небесного подарка, ниспосланного самим Богом. Шум усилился, едва заметное свечение расходилось кругами от ящика. Женщины подхватили детей на руки и в испуге бросились в разные стороны, они бежали не оборачиваясь назад, спотыкаясь и падая, и даже мужчины попятились, готовые в любой момент поддаться панике. И только Моисей равнодушно смотрел на сияющий ящик.

Внезапно херувимы на крышке ожили и подняли крылья вверх, а затем снова застыли. В пространстве между ними образовалось горящее облако, вращающееся по кругу с огромной скоростью, оно медленно поднялось на несколько метров над землей и замерло. Моисей не отрывая глаз наблюдал за чудом, которое совершалось на его глазах. Горящий шар вращался, разбрызгивая в разные стороны яркие огни. Потом он замер и с шипением начал затухать. Евреи отступили еще дальше от ящика, опасаясь, что сейчас произойдет нечто страшное. И только Моисей бесстрашно стоял рядом с облаком.

Облако стало светлым, как вата, и из него мощным потоком полилась белая вязкая жидкость. Пророк подставил руку и набрал полную ладонь неведомой кашицы. Моисей осторожно понюхал жидкость, она приятно пахла. Затем он, закрыв глаза, медленно прошептал про себя:

«На все воля Божья» и прикоснулся языком к неведомому посланию. Только сейчас он понял, что это была пища, больше похожая на хлебную похлебку. Пророк воскликнул:

– Люди, ваши молитвы услышаны! Отец послал нам еду. Мужчины, берите свои котлы и подходите ко мне, каждому из вас теперь будет даваться три литра еды в день. Накормите в первую очередь своих детей, стариков, женщин, а потом подкрепитесь и сами. Голод вам больше не грозит. На то воля Бога. Ешьте манну небесную, прославляя Отца нашего небесного.

Насытившись, евреи двинулись дальше на восток в поисках Земли обетованной, обещанной им Моисеем, которому путь освещал сам Бог. Длинная процессия растянулась на несколько километров по раскаленным пескам пустыни. Первым шел Моисей, за ним – Аарон в белых одеждах первосвященника, далее двигалась процессия из четырех священников, избранных людей, которые несли тяжелый ящик на двух длинных жердях. Они были одеты в специальные блестящие серебристые плащи, закрывавшие их с ног до головы, и такие же перчатки. Ковчег весил почти три тонны, а несущие его четверо священнослужителей были не самого крепкого телосложения. Но, к удивлению странствующих людей, избранные, держа на плечах жерди с тяжелым грузом, передвигались с такой легкостью, что едва касались ногами земли. Евреи, глядя на эти чудеса, не верили своим глазам, они называли хранителей Ковчега левитами – людьми, способными парить над землей, уверовав в исключительные, чудотворные способности священнослужителей. Когда останавливались на стоянки, Ковчег размещали вдалеке от поселения, в большой палатке под названием «Скиния», вокруг которой по периметру на приличном расстоянии сооружалось специальное защитное ограждение, не пропускавшее ничего: ни людей, ни звуки, ни даже свет, вокруг круглосуточно стояла бдительная вооруженная охрана. На то у Моисея была причина.

Поначалу Ковчег размещали в центре лагеря, рядом с палатками простых евреев. Под утро люди, жившие по соседству с подарком Бога, просыпались с легкими ожогами на коже и слабостью в теле. Однажды один любопытный юноша в тайне ото всех пробрался к святыне и хотел открыть крышку, чтобы заглянуть внутрь. Земля задрожала, поднялся вой, хлынул яркий свет. Моисей в панике выскочил из палатки. Он бросился к парню, чтобы его остановить, но было поздно. Страшный душераздирающий вопль раздался над пустыней. Нарушивший запрет юноша в одно мгновение превратился в небольшую кучку пепла, которая предстала перед глазами изумленных и потрясенных до глубины души евреев. «Что ты наделал?! – пророк с перепуганным видом упал на колени. – Не гневите Бога! Нельзя подходить к Его образу. Поймите, Ковчег – это часть духа Всевышнего». После этого случая Ковчег взяли под неуспешную охрану, и только избранные могли находиться около таинственного ящика.

Глава 6

Менахем Овадья совершал утренний намаз вместе с мусульманами в мечети Аль-Акса. Он в совершенстве владел арабским языком и знал все тонкости мусульманской религии. В «Моссаде» молодой человек работал чуть больше пяти лет, придя в разведку после окончания Тель-Авивского технологического университета. Собственно говоря, он и не планировал работать в этой организации, но обстоятельства сложились так, что другого выбора у него не было. Менахем мечтал стать инженером, как его отец, поэтому после окончания школы сразу подал заявление на поступление в самый лучший университет страны. Экзамены сдал успешно и был зачислен на первый курс. Четыре года студенческой жизни пролетели быстро, и все шло гладко и спокойно, если бы однажды в дом не пришло страшное горе, которое в корне изменило всю жизнь юноши.

Вечером, вернувшись домой, он увидел, что дверь в квартиру открыта. Повсюду было много людей: соседи, странные люди в штатском и сотрудники полиции. Расталкивая всех, Менахем вбежал в комнату родителей. Все, что он увидел тогда, превратило в руины его мировоззрение. На полу лежали в крови мать и отец. Он хотел броситься к ним, чтобы помочь, но полицейские не пустили его к самым близким для него людям. Юноша надеялся, что родители ранены, сейчас приедут врачи и спасут их. Но вместо врачей детективы и криминалисты, вытолкнув из комнаты всех посторонних, приступили к изучению обстоятельств убийства семейной пары. Вскоре прибыли сотрудники «Моссада».

Иссер Овадья, отец Менахема, был крупным специалистом в области компьютерных систем видеонаблюдения. Его разработки позволили обнаружить и обезвредить тысячи арабских террористов, проникавших на территорию Израиля с целью дестабилизации положения внутри страны. И убийство столь крупного ученого вызвало серьезную обеспокоенность властей. Было ясно, что это дело рук палестинцев. Однако улик оказалось недостаточно, следов на месте преступления не осталось и найти убийц не удалось.

Юноша долго оплакивал родителей, живя только одной надеждой, что преступников найдут и они понесут справедливое наказание. Он почти каждый день навещал управление полиции, доводя до истерики следователя, который вел дело о насильственной смерти его родителей. Полицейский чин отделялся общими фразами, но однажды, не выдержав настойчивых просьб молодого человека, честно признался, что теперь этим делом занимается особый отдел «Моссада» и вся эта история засекречена. Следователь сразу пожалел, что в порыве эмоций раскрыл служебную тайну, и умоляюще попросил юношу никуда не обращаться, так как это чревато последствиями. Менахем неделю был сам не свой, он забросил университет и желал только одного – мести за смерть родителей. Юноша закрылся в своей квартире и не выходил оттуда почти три дня. Когда он покинул дом, это был другой человек, не мягкий, добрый и интеллигентный юноша, а воин, жаждущий справедливости.

Мужчина в солидной одежде, с тонкими черными усами и короткой бородой свернул с центральной улицы деловой части Тель-Авива на прилегающую и прошел мимо многочисленных высотных домов. По строгой деловой походке было понятно, что, скорее всего, это сотрудник весьма серьезной организации, штаб-квартира которой находилась по соседству, в современном здании из стекла и бетона. Яркие лучи солнца отражались в его до блеска начищенных ботинках, строгий костюм, однотонная рубашка, правильно подобранный галстук немного не сочетались с болезненной бледностью лица. Человек обошел здание со всех сторон, затем зашел через центральный вход. Несколько охранников, тщательно проверяя документы, пропускали многочисленных сотрудников. Быстро оценив ситуацию, посетитель подошел к дежурному телефону, набрал номер, сказав несколько слов собеседнику на другом конце

провода, неторопливо направился в туалет. Закрывшись в кабинке, незнакомец осмотрел потолок и заметил датчик противопожарной безопасности. Теперь он прекрасно знал, что делать дальше.

Вой сирены разнесся по всему зданию. Сначала слышались громкие нервные возгласы, потом раздались строгие команды, а затем шум толпы: люди организованно покидали помещение. К зданию с устрашающим воем сирен неслись с десятков пожарных машин. Охрана здания распахнула все выходы, давая возможность сотрудникам как можно быстрее оказаться на улице. Посетитель, заметив, что сотрудники службы безопасности отвлеклись, быстро юркнул в проход и, незаметно проскочив мимо всех постов охраны, свернул налево в коридор, по служебной лестнице, где никого не было, поднялся на пятый этаж. Ему нужен был пятьсот тридцать шестой кабинет. Он дернул дверь, она была закрыта. Достав из кармана небольшое электронное устройство, странный посетитель приставил его к замку. Датчик зашумел, на небольшом зеленом дисплее закрутились цифры, незнакомец замер, наконец замигала красная кнопка. Мужчина нажал на кнопку, прибор издал короткий звук, и дверь открылась. Посетитель положил в карман электронное устройство, достал тонкие перчатки из белого шелка и с видом никуда не спешащего человека открыл дверь.

Пропажу обнаружили только спустя три дня, когда сотрудник «Моссада» полез в сейф за делом супругов Овадья, а документов в положенном месте не оказалось. Поднялся страшный шум, весть о краже документов облетела всю тайную разведку, дошла она и до директора «Моссада», вызвав у него крайнее раздражение. Еще ни разу в «Моссаде» не воровали секретную информацию. Через три дня в квартиру Менахема постучали, юноша, отложив учебник по информационной компьютерной безопасности, с недовольным видом пошел открывать дверь. На пороге стояли три человека, по выражению их лиц он сразу понял, откуда они. Его допрашивали почти три недели. Сначала запугивая долгим сроком пребывания в тюрьме, объясняя, какое страшное преступление он совершил, но поняв, что таким методом ничего не добьются, стали в более мягкой, дружелюбной форме предлагать чистосердечно признаться во всем, сдав всех, кто его направил в штаб-квартиру «Моссада». Этот номер тоже не прошел. Тогда приступили специалисты электронного допроса. Менахема посадили на стул и прикрепили к его пальцам датчики детектора лжи. Человек в очках с видом компьютерного гения долго задавал одни и те же вопросы в разной интерпретации, но желаемого результата добиться не смог. Умнейший прибор показывал, что подследственный ничего плохого не сделал, не похищал никаких документов и вообще в этот день не был в Тель-Авиве.

Следователи были ошеломлены такими показателями детектора лжи, обмануть который не мог практически никто. Они поняли, что имеют дело с весьма опасным преступником, расколоть которого законными методами будет крайне сложно. Тогда было принято решение подвергнуть юношу запрещенным методам допроса. Его приковали наручниками к металлическому стулу и надели на голову целлофановый пакет. Менахем стал задыхаться, воздуха не хватало, виски начали пульсировать со страшной силой, глаза от боли выкатывались из орбит, жуткий огонь резанул по груди, он застонал, но тут же замолк, скрежеща зубами. Следователь снял пакет только тогда, когда почувствовал, что задержанный теряет сознание. Холодная вода привела юношу в чувства. В глазах плыли красные пятна. Пакет вновь оказался на его голове, и все началось заново. Он опять потерял сознание. Целое ведро воды было вылито на его измученную голову. Так повторялось пять раз, пока следователи не поняли, что и этот метод не поможет им добиться нужного результата. После трех часов пыток уставшие дознаватели пожаловались на крепкого орешка начальству. Вскоре информация о необычном преступнике дошла до самого Эфраима Галиви.

Директору «Моссада» захотелось самому познакомиться со столь уникальным юношей, про которого рассказывали разные небылицы. Честно говоря, руководитель разведки не поверил ни единому слову своих помощников, но он был большим любителем по разгадыванию

человеческих душ и ему хотелось доказать коллегам, что все это преувеличенные мифы, которые спокойно можно развенчать. Эфраим Галиви сам направился в камеру, где сидел юный Овадьа. Разговор продолжался долго. Директор сидел напротив юноши и не мигая смотрел ему прямо в глаза. Менахем спокойно выдержал долгий пронзительный взгляд, ничем не выдав своего волнения. Так они смотрели друг на друга почти час, первым сломался опытный разведчик, не выдержав, опустил глаза. Эфраим Галиви покинул камеру, ничего не сказав арестованному, но понял, что имеет дело с уникальным человеком. Узнав более подробно историю юноши, директор «Моссада» быстро просчитал мотивацию Овадьа: «Мсть! Он хочет отомстить за родителей. Что же, пожалуй, такой человек нам может пригодиться». Эфраим Галиви еще месяц продержал юношу в камере, не допуская к нему следователей, а потом пригласил к себе.

Менахем вошел в кабинет руководителя самой могущественной разведки мира осунувшимся, еще более бледным, одежда была помятой, но хозяин кабинета отметил про себя, что глаза юноша по-прежнему не опускал, смотрел прямо в лицо.

– Садись, Менахем, – Галиви жестом показал на стул. – Я знаю, зачем ты совершил столь тяжкое преступление. Ты хочешь отомстить за своих родителей?

Юноша молчал, не опуская глаз.

– Хорошо, можешь не говорить мне ничего. Но у меня есть предложение, – директор выдержал паузу, теперь он сам немного смущался от взгляда собеседника. – У тебя будет шанс наказать убийц твоих родителей. Мы постараемся найти их.

Менахем молчал.

– Ладно, не хочешь говорить – не надо. Я хочу дать тебе шанс, – Эфраим Галиви все более убеждался в необычных способностях юноши. – Ты пройдешь конкурс на поступление в «Моссад». Вас будет тысяча человек, я возьму только одного, того, кто успешно пройдет все испытания и пойдет ровно через месяц в мой кабинет. Ты согласен?

Овадьа молчал.

– Я обещаю тебе: если ты выиграешь этот конкурс, мы сделаем все, чтобы найти убийц твоих родителей.

– Мне этого не надо, я и так знаю, кто они, – неожиданно ответил Менахем. – В любом случае эти убийцы радоваться жизни больше не будут. А если вы посадите меня в тюрьму, это всего лишь отсрочит их мучительную смерть.

От слов худощавого бледного юноши, больше похожего на ботаника, директор «Моссада» вздрогнул. Он встал и подошел к Овадьа:

– Ты должен понять: мы живем в окружении врагов, они повсюду и жаждут только одного – уничтожения всех евреев. Это их миссия в жизни, они настроены убивать женщин, стариков, детей. Ты можешь отомстить за своих родных, но кто вступится за остальных? Мы работаем в разведке, чтобы пресечь все эти преступления и положить конец насилию, – Эфраим Галиви замолчал, осторожно погладив юношу по голове, тихо добавил: – И часто ценой своей жизни.

Испытания начались через три дня. Всех претендентов отправили самолетами в разные части земного шара. Кто-то полетел в Нью-Йорк, другие – в Мехико, третьи – в Бангкок, четвертые – в Рио-де-Жанейро, пятые – в Амман, и так по всем странам мира. Овадьа в аэропорту имени Бен-Гуриона выдали билет до Лондона и сто американских долларов.

– А паспорт? – поинтересовался юноша. – Без него меня не выпустят из страны, и тем более как я попаду в Англию?

– Но это твои проблемы, у нас свои правила, – сопровождавший его сотрудник разведки сочувственно похлопал парня по плечу. – И еще запомни: если тебя задержат и арестуют, мы не несем за тебя никакой ответственности, ты это понял?

– Да, – угрюмо ответил юноша.

За неделю семьсот тридцать пять участников конкурса были задержаны в аэропорту Тель-Авива, их арестовали за попытки незаконного пересечения границы, каждый понес свое наказание. Заодно секретная разведка проверила качество работы службы безопасности главного аэропорта Израиля. Пресс-служба «Моссада» сразу же открестилась от своих потенциальных сотрудников. Через некоторое время в других аэропортах мира задержали еще двести тридцать человек за попытку незаконного проникновения на иностранную территорию, их арестовали, продержали некоторое время в тюремных камерах, а потом депортировали на родину, но и тогда израильская разведка отказалась от них.

Когда Овадье удалось добраться до Лондона, его следующим испытанием стало проникновение в помещение британской разведки МИ-6 и изъятие из сейфа ближневосточного отдела секретного списка завербованных англичанами в Палестине агентов. Юноша почти неделю готовился к этому экзамену, параллельно быстро обзаводясь множеством друзей среди студентов Лондона, зарабатывая на жизнь установкой и настройкой новых программ на компьютерах. Он решил не проникать в здание всемирно известной разведки. Вместо этого Менахем просто взломал электронную защиту сервера МИ-6, нашел нужную информацию и скопировал себе на флешку. Улететь без денег из Лондона было почти невозможно, но и тут помог интернет. Через взломанный сервер он оформил билет на рейс авиакомпании «Бритиш эр вей».

В главных воздушных воротах Англии – аэропорту Хитроу было не протолкнуться. Тем не менее служба безопасности работала строго, отслеживая на паспортном контроле каждого пассажира. Даже муха не могла пролететь мимо бдительных таможенников, повсеместной охраны и сложнейшей системы видеонаблюдения. В аэропорту юноша заметил бригаду грузчиков, которая направлялась на место работы. Он быстро определил их раздевалку и незаметно для всех вошел в нее. Скинул свой костюм, ловким движением открыл один из закрытых шкафов, достал комбинезон отсутствовавшего грузчика и минуту спустя догонял новых коллег. Молодой человек весело поздоровался со всеми, как будто был знаком с ними много лет, поинтересовался, как обстоят дела дома, и с огоньком в глазах принялся за работу. Бригада сначала загрузила багаж в лайнер, вылетающий в Буэнос-Айрес, затем в Амстердам. Началась транспортировка поклажи на рейс до Аммана. Менахем работал быстрее всех, первым хватался за тяжелые чемоданы. Уставший от тяжелой работы, он занес последний тук в грузовой отсек и быстро спрятался среди кучи багажа.

Эфраим Галиви каждый день получал сообщения об арестах его конкурсантов. И через четыре недели он знал, что в игре остались только два человека. Через час зазвонил телефон, и директору «Моссада» доложили, что в аэропорту имени Бен-Гуриона арестован еще один из двух оставшихся претендентов, правда, имя еще не уточнили. Не успел Эфраим Галиви положить трубку, как дверь открылась и в кабинет изумленного директора «Моссада» вошел не кто иной, как Менахем Овадья.

Глава 7

Колонна иудеев двигалась вдоль песчаных барханов, растянувшись на многие километры, она постоянно останавливалась на непродолжительные передышки, повсюду оставляя после себя могилы стариков, не выдержавших тяжелый переход по пустыне. Но евреи упорно шли дальше, следуя за своим предводителем. Ветер завывал над их головами, ноги проваливались в сыпучих песках. Вдалеке на горизонте появилось красно-серое облако. Приближалась буря, поднимая в небо миллиарды песчинок, скрыться от которых было просто невозможно. Постаревший Аарон, закрыв лицо белым платком, подошел к брату:

– Моисей! Почему мы столько лет ходим по пустыне, но так и не нашли Землю обетованную?

Пророк шел молча, не останавливаясь, опустив глаза, он пропустил слова первосвященника мимо ушей.

– Постой, брат! Поговори со мной. Люди опять возмущаются, они требуют объяснений.

– Какие еще объяснения я должен им давать? – Моисей начал сердиться, не желая разговаривать на эту тему.

Но Аарон остановил его, дернув за рукав:

– Пойми меня, ты посланец Бога, но это не означает, что ты не должен объяснять людям свои намерения.

Пророк поднял голову:

– Вот что, брат мой. Ты должен понять: все, что мы делаем, это воля Бога.

– Но как так?! – возмутился первосвященник. – Совсем рядом я видел зеленые оазисы, за которыми скрывалась благодатная земля! Мы могли найти там свою новую родину.

– Нет, Бог не разрешает нам идти туда.

– Но почему, Моисей?

– Наш народ согрешил, ты прекрасно знаешь об этом, и Отец небесный наказал его. Долгие века рабства в Египте уничтожили в нашем народе достоинство и честь. Палки и плети выбили все лучшее, превратив многих из нас в приспособленцев и лентяев, жаждущих легких денег и признающих только силу. Грехи их идут от страхов, от постоянных побоев и унижений, которые превратили души в равнодушную, холодную пустыню.

– Но почему так много лет мы несем свой груз ответственности?

– Сорок лет – этот тот срок, когда вырастет новое, непорочное поколение нашего народа, знающее цену свободе, не видевшее насилие и унижение, палки, кнуты и казни. Бог установил срок, и мы обязаны его выдержать, странствуя по пустыне, чтобы искупить вину и очиститься ото всех грехов.

Аарон упал на колени перед братом:

– Посмотри, сколько людей умерло в пути, время уходит, многие ведь не доживут до светлого часа, прошло много лет, сменилось целое поколение нашего народа.

– Я знаю.

Первосвященник окинул брата взглядом, только сейчас он заметил, как тот состарился, щеки осунулись, зубов во рту не осталось, голова и борода стали белыми, спина сгорбилась, руки не поднимались. Передвигался он с большим трудом, опираясь на облезлый посох.

– Пойми, Аарон, это не моя воля. Бог наказал нас за все грехи. Сорок лет нам даны как испытание, чтобы ушло то поколение, которое допустило грехопадение, на святую землю должны ступить ноги только чистых людей. Скоро наше испытание подойдет к концу, осталась ровно неделя. Мы выйдем к реке, за которой вы увидите Землю обетованную.

Яростный вихрь ударил в лицо Моисея, пророк не удержался и упал на песок.

– Брат мой! Путь мой скоро закончится, дальше нам нужен будет крепкий воин, который сможет сражаться за наше счастье.

– Откуда ты знаешь? – Аарон подбежал к брату, чтобы помочь ему подняться.

– Бог направляет меня на битву, но он не пустит меня дальше, – Моисей хотел продолжить речь, но буря со всей силы налетела на колонну, накрывая людей красным облаком песка.

Аарон очнулся первым, со всех сторон чувствовалась тяжесть, глаза не открывались, было тяжело дышать. Рука потянулась кверху, всюду нащупывая песок. Легкая паника охватила первосвященника, он напрягся всем телом и лихорадочно стал грести руками. Голова почувствовала легкость, он сделал рывок и ощутил приток свежего воздуха. Яркая заря загоралась на востоке.

Микроавтобус мчался по каменистому бездорожью, оставляя после себя длинный шлейф пыли, клубами поднимавшейся над пустыней. Солнце медленно опускалось за горизонт, освещая багровыми красками небо и песок. Раскаленная земля еще дышала жаром, накаляя и без того горячий воздух, отчего создавалось впечатление, что вся пустыня покрыта застывшей на месте зеркальной водной гладью. В этом красном мареве все искажалось и превращалось в неземной расплывчатый мираж. Машина притормозила на короткое время. Водитель, высунув голову из кабины, посмотрел назад, в рассеивающейся пыли никого не было видно. Только час назад он нелегально пересек египетскую границу, покинув пылающий войной Сектор Газа, который сейчас представлял большую угрозу для жизни.

Погони не было, мужчина перевел дух. Мрачное лицо повернулось на запад, где багрянцем пылал горизонт, возвещая путников о том, что день подходит к концу и надо торопиться. Микроавтобус сорвался с места, водитель давил со всей силы на педаль газа, стараясь, пока не стемнело, найти дорогу. Первые сумерки на востоке начали плавно заливать пустыню матово-молочными оттенками, повсеместно ведя наступление на кровавые отблески уходящего солнца. Машина прибавила скорость, но фары водитель не включал, боясь привлечь к себе внимание даже в этом безжизненном краю. На западе догорал яркой зарницей закат, солнце зашло за горизонт, но оставило еще на некоторое время память о себе в виде золотисто-розовых красок на бледнеющем прямо на глазах небе. Сумерки сгустились, небо и земля неторопливо смешивались в одно общее пространство, покрытое мрачными темнеющими красками. Наконец водитель заметил старую дорогу, мысленно прочитал про себя молитву, воздав хвалу Аллаху, и выехал на разбитое шоссе.

Через час в кромешной темноте фары микроавтобуса вырвали поворот на основную трассу, машина притормозила и стала медленно поворачивать на восток. Мужчина заметил красные огни габаритов большой машины, фары осветили дорогой японский крытый внедорожник, и микроавтобус остановился. Из джипа поспешно вышли двое молодых мужчин. Они с некоторым трепетом в душе подошли к водителю микроавтобуса и почтительно поклонились:

– Ассалам алейкум, уважаемый. Святейшество с вами?

Саид с подозрением осмотрел незнакомцев:

– Ва-алейкум салам. Вы от муфтия? – коротко ответив вопросом на вопрос, он тянул время, чтобы более внимательно оценить мужчин.

– Нас послал Али бен Салам, приказал полностью подчиняться всем вашим указаниям, – парни покорно опустили головы перед Саидом.

– Вот и хорошо, – он с легкостью выпрыгнул из кабины, на всякий случай проверив пистолет во внутреннем кармане пиджака, и, тихо открыв дверь, заглянул в салон.

Старик спал. Телохранитель бережно, стараясь не разбудить шейха, взял старца на руки и перенес во внедорожник, аккуратно усадив его на заднее сиденье, расположился рядом. Внутри джипа было прохладно, огни на панели управления горели яркими зелеными огоньками. Машина тронулась и на огромной скорости понеслась по главному шоссе. Лицо Саида

покраснело, глаза налились гневом, он тихо сквозь зубы процедил: «Эй, сынок, ты что делаешь? Притормози чуток, не гони так, не забывай, кого везешь». На востоке загоралась заря, впереди замаячили огни большого города. «Вот и Шарм-эль-Шейх, – тихо проговорил молодой водитель. – Скоро будем на месте».

С первыми лучами солнца внедорожник въехал через служебные ворота в международный аэропорт. Заранее предупрежденная влиятельными людьми охрана без лишних вопросов пропустила машину на закрытую для посторонних территорию. Джип выехал на пустую взлетно-посадочную полосу, где в одиночестве стоял, вращая пропеллерами, небольшой частный самолет.

– Мы прибыли вовремя! – радостно доложил водитель внедорожника.

– Спасибо, – угрюмо ответил Саид. – Муфтию передайте привет и благодарность от шейха.

Самолет, разогнавшись, оторвался от земли и стал стремительно набирать высоту. Моторы шумели со страшной силой, желая поднять лайнер как можно выше в небо. Яркий луч солнца ворвался в салон самолета через иллюминатор, осветив лицо шейха. Старец очнулся и тут же закрыл лицо рукой от яркого, режущего глаза света:

– Где мы? – он с недоумением осмотрелся.

Саид, немного задремавший на соседнем сиденье, тут же проснулся:

– Не волнуйся. Мы у друзей. Сейчас летим в Эр-Рияд, как ты и просил. Нас ждет в гости наследный принц Саудовской Аравии. Он хочет помочь нам.

– Ах, да! Все они хотят встретиться со мной! Но почему? – старик устало потянулся, сильно заныла спина.

– Понимаешь, мой друг, когда вопрос идет о больших деньгах, их дают только тому, кому могут верить. А внушить доверие столь влиятельным людям можешь только ты! – ответил Саид.

Шейх устало улыбнулся с толикой грусти в глазах. Отвернувшись к окну, он прикрыл веки, припоминая одну встречу в далеких семидесятых годах, когда он только начинал свою общественную деятельность.

Это было в городе Рафах, на самом юге оккупированного израильянами Сектора Газа. На улице стояла гнетущая жара, от которой трудно было хоть где-то укрыться. К фешенебельному дому в центре делового квартала подъехал дорогой лимузин, из которого вышел солидный мужчина в возрасте. Это был английский журналист известного британского издания «Джиографи», представлявший всем Джоном Смитом. Он пришел на встречу с руководителем недавно созданной местной общественной организации, чтобы поговорить об истории и традициях палестинского народа. Новая структура не особо интересовала журналиста, ему было важно познакомиться с ее лидером, про которого слагали легенды.

Англичанин прошел в квартиру, которую снял специально для этой беседы. В светлой, просторной комнате работал кондиционер, и журналист сразу почувствовал себя лучше. Полковник Комитета государственной безопасности Советского Союза, или сокращенно КГБ, Иван Петрович Жданов был направлен в Сектор Газа всемогущим Международным отделом, который принял эстафету знаменитого Коминтерна, главного распространителя коммунизма в мире. Опытный разведчик прибыл в Израиль из Лондона по поддельным документам под именем Джон Смит. Его задание было срочным, поэтому агент КГБ не успел собрать сведения о внешности человека, с которым предстояло встретиться. Но на основании многочисленных слухов о новоявленном шейхе он представлял его себе как высокого подтянутого мужчину с волевым подбородком и красивым лицом, обладавшего недюжинной физической силой, перед которым робеют все. Обычно он всегда заранее готовился к переговорам, наводя справки о тех людях, с которыми предстояло иметь дело. Про Ахмета Исина информации было более чем

достаточно, она поступала из разных источников. И все в один голос говорили о незаурядных способностях лидера новой палестинской организации, но описывать его внешность затруднялись. Однако профессиональное воображение полковника быстро составило портрет могучего шейха с громовым голосом, широкой поступью входящего в комнату для переговоров.

Полковник прекрасно понимал, с кем ему предстоит иметь дело. Он принял немного напыщенный и высокомерный вид, желая сразу дать понять, с кем будет иметь дело этот ново-явленный шейх. Менталитет арабов не менялся веками, и разведчик хорошо знал об этом. На Востоке уважали только силу и деньги, с помощью которых здесь можно было сделать все. Отработанная годами технология позволила КГБ завербовать немало агентов в арабском мире. Так что особых сложностей в связи с предстоящими переговорами полковник не предвидел.

В дверь постучали. Иван Петрович поправил галстук на белой рубашке, приосанился, принял равнодушную позу человека, для которого эти переговоры не столь важны. Он выглядел солидно, немного надменно, весь его вид демонстрировал власть сильных мира сего.

– Войдите! – голос Джона Смита звучал твердо и повелительно.

В двери показался молодой человек с извиняющейся, немного напуганной улыбкой на лице, он с большой учтивостью поклонился:

– Мархаба, почтенный! К Вам можно?

Полковник ожидал увидеть кого угодно, но только не сопливого мальчишку. К этому Жданов был не готов, но ему ничего не оставалось, как кивнуть в знак согласия. Голова из дверного проема исчезла, и буквально через мгновение молодой человек вновь появился, он толкал перед собой инвалидную коляску, в которой сидел тощий, немощный мужчина, лицо его было болезненно бледным, одежда состояла из белого доходившего до пят одеяния и такого же цвета платка на голове. Жданов от удивления даже привстал, весь его напыщенный вид испарился. Ему на мгновение показалось, что в комнату привезли колдуна для снятия порчи.

– Чем могу быть полезен? – недоуменно поинтересовался полковник.

Молодой человек тем временем незаметно исчез, оставив мужчин наедине.

– Мое имя Ахмет Исин.

Глаза полковника округлились от удивления:

– Вы шейх Исин?

– Да. А вы, как я полагаю, тот самый человек оттуда? – колдун в коляске прикрыл глаза и мягким жестом указал на потолок.

Иван Петрович проработал в разведке больше тридцати лет, имел колоссальный опыт нелегальной деятельности за границей, создал множество разветвленных сетей своей резидентуры во многих странах, но с таким потенциальным агентом влияния встречался впервые.

– Чем могу быть полезен? – этот вопрос стал единственной фразой, произнесенной русским разведчиком.

Разговор продлился больше двух часов. После отъезда полковника на тайный счет шейха поступило двадцать миллионов долларов вместо первоначально обещанных десяти. Все деньги до последнего цента были потрачены на строительство детских больниц в палестинских лагерях для беженцев, где из-за невообразимой антисанитарии свирепствовали страшные эпидемии.

Глава 8

Вырвавшись из объятий песка, первосвященник осмотрелся по сторонам и принялся вытряхивать песок из ушей. Повсюду из-под насыпей откапывались люди, отряхивая головы и одежды. Буря закончилась, ветер стих, на голубом небе заиграли первые лучи восхода. Аарону вдруг стало не по себе, что-то кольнуло в груди, он остановился и в тот же миг бросился искать брата. Он прильнул к земле и тонкими пальцами принялся разгрести невысокий бархан, чувствуя присутствие рядом родного человека. Аарон копал и копал, пока не наткнулся на белый рукав знакомой туники и не потянул его на себя. Первой показалась рука, потом плечо, затем все тело. Первосвященник со страхом в душе вытаскивал Моисея из-под песка. Пророка положили на спину, глаза были закрыты, дыхание практически не ощущалось, руки и ноги беспомощно распластались на земле, казалось, жизнь покинула его. «Моисей, ну как же так?! Очнись!» – Аарон сидел на коленях со слезами на глазах и изо всех сил тряс брата. Но пророк не проявлял признаков жизни. Аарон в отчаянии вскинул руки к небу: «Отец наш небесный, Ты послал на наши головы множество испытаний, и мы покорно их приняли, мы веруем в Тебя, готовы и дальше искупать все свои грехи, но только не губи Моисея, без него мой народ пропадет, исчезнув навсегда в этих смертельных песках». Небо молчало, только лучи солнца ярко осветили золотистым светом песок. Бог молчал, не прислушиваясь к мольбам первосвященника.

От обиды и бессилия Аарон упал на грудь брата и зарыдал от отчаяния. Неожиданно он почувствовал легкое движение под своей головой и услышал недовольный голос Моисея: «Ну что ты на меня навалился, дышать же трудно». Пророк с трудом встал, опираясь на посох, отряхнул тунику: «А где Ковчег Завета»? Его лицо стало озабоченным. Он бросил тревожный взгляд на лагерь, но тут же успокоился – передвижной храм Скиния величественно возвышался на высоком песчаном бархане, излучая в разные стороны яркий свет.

– Вот он, знак свыше! – закричал Моисей. – Скоро мы выйдем к Земле обетованной. Бог выполнил свое обещание. Молитесь! – громко крикнул он людям, опускаясь на колени.

К нему подошел поджарый пожилой человек с потемневшим от солнца и ветра морщинистым лицом.

– Моисей, народ сомневается в твоих словах, мы прошли невероятно трудный путь, оставив в пустыне большую часть людей, которые когда-то последовали из Египта за тобой.

– Я знаю, Исхак, ты не веришь мне, но не я веду вас по пустыне, на то все воля Божья, и он говорит мне, что скоро мы выйдем к нашей Земле обетованной, где мы будем жить счастливо и в достатке, не опасаясь войн и насилия.

– Я не верю тебе, Моисей! – старик бросил жгучий взгляд на пророка.

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Отправьте разведчиков вон за тот бархан, – пророк попробовал махнуть непослушной рукой на запад. – Там за песками находится река. А дальше – земля, которую мы искали сорок лет. А сейчас воздай хвалу Господу нашему.

– Я не верю тебе, Моисей. Мы сорок лет молились, терпели лишения, шли за тобой повсюду, даже видя, что ты просто плутаешь по пустыне кругами.

– На то была воля Бога! – пророк устало опустил седую облезлую голову. – Направь, Исхак, разведчиков к реке, и ты убедишься в правоте моих слов.

Молитва заканчивалась, имам последний раз воздал хвалу Аллаху. Омывая лицо руками и слушая проповедь, Менахем краем глаза заметил в углу зала тощую серо-коричневую пятнистую кошку. Она, позевывая, прохаживалась вдоль стены, видимо желая немного размять лапы после сладкого сна. Имам торжественно завершил ритуал, жестом сообщая, что все могут быть свободны. Послышался негромкий шум поднимающихся с колен людей. Верующие, поклонив-

шись, степенно направились к выходу, в мыслях все еще общаясь со Всевышним. Кошка остановилась, равнодушно наблюдая за людьми из своего укрытия за колоннами. В помещении было душно, и она устало разлеглась на мягкий ковер, лениво умываясь и вылизывая шершавым языком короткую шерсть. Люди шли и шли к выходу. Наконец ей надоела процедура наведения чистоты, и она слегка задремала. В этот день большой зал мечети был полностью заполнен верующими и у выхода образовалась небольшая толчея. Правовверные, все еще находившиеся под впечатлением от молитвы, терпеливо ожидали, пока братья по вере, надев обувь, освободят проход.

Менахем оказался прижат толпой к колонне, за которой в тиши лежала кошка. От сильного давления толпы грудь передавило и стало трудно дышать, он как можно осторожнее, чтобы не потревожить стоявших рядом мужчин, протиснулся за колонну. Никто не обратил на него внимания. В узком проходе было сумрачно, свет в эту часть зала практически не попадал. Овадьа замер на некоторое время, чтобы осмотреться, затаившись в серых сумерках, образуемых колоннами. Больше всего Менахем не хотел сейчас попасть в объективы видеокамер, которые были установлены повсюду. Агент «Моссада» обвел взглядом потолок, электронные всевидящие датчики были в этот раз устремлены на центр зала, где толпилось большое количество людей. Кошка, подремывая, слегка подергалась во сне, не обращая внимания на появившегося рядом с ней человека. Менахем взглянул на зал, верующие стояли к нему спиной, погруженные в свои мысли. Он мягко погладил кошку. Домашний питомец, ощутив приятное тепло, слегка потянулся, затем сладко замурлыкал. Рука нащупала на шее ошейник. Тонкие пальцы почесали кошке за ухом, она опустила мордочку от удовольствия и не заметила, как человек ловким движением прицепил к ошейнику маленькое устройство. Овадьа напряг зрение, чтобы рассмотреть небольшой проем в стене, ведущий в подвал. Он еще немного поиграл с кошкой, затем взял ее на руки и на корточках проскользнул в серое отверстие, за которым в темноту уходил коридор.

Узкие проходы древней постройки уводили в далекие времена начала восьмого века. Сырые камни почернели от времени, а большие куски известняка на потолке и стенах повсеместно были изъедены вездесущей плесенью, неприятный запах спертого воздуха ударил прямо в нос. Света здесь практически не было, и Менахему приходилось напрягать глаза, чтобы понять, куда надо двигаться дальше. Коридор внезапно начал уходить вниз, последние отблески света исчезли, здесь царила полная темнота. Кошка занервничала, напрягаясь всем телом, начала дергаться, не желая больше находиться в этом неприятном даже ей мрачном подzemелье. Мужчина нежно погладил кошку, прижимая ее к своей груди и стараясь успокоить.

Агент «Моссада» сбавил шаг, начал аккуратно передвигаться на ощупь. Теперь он доверял только своим ощущениям. Маленький хищник испуганно замыкал. Овадьа почувствовал, как острые когти кошки вцепились ему в грудь. Запах плесени усилился, острое обоняние уловило в воздухе зловоние протухшей воды, чувствительные пальцы руки, касавшиеся стен, ощутили вязкую холодную слизь. Менахем поморщился и с отвращением отдернул испачканную ладонь от отвратительной тягучей жидкости, другой рукой стараясь удержать возбужденную дискомфортом кошку. Овадьа теперь продвигался еще более осторожно, медленно ощупывая путь босыми ступнями. Свою обувь он оставил у входа в мечеть.

Внезапно в полной темноте мрачного подвала забрезжил тонкий лучик света. Домашний питомец немного успокоился и перестал мяукать, однако когти все еще не убирал. Сотрудник «Моссада» прибавил скорость. Коридор тянулся дальше темным тоннелем, но в одной из боковых ниш Овадьа заметил узкую полоску света. Луч шел именно отсюда. Менахем достал из карманов тонкие тряпичные тапочки, надев их, быстрыми, ловкими шагами устремился вверх, бесшумно крадясь по лестнице. Свет становился ярче, слышались голоса людей. Он остановился у загадочного выхода. Приоткрыв старый засов, увидел чистый коридор, освещен-

ный лампами дневного света. Сразу напротив себя Менахем заметил металлическую дверь, из-за которой раздавались приглушенные голоса.

Два человека громко разговаривали, бурно обсуждая какую-то тему. На входе висела табличка «Посторонним вход запрещен». Овадьа приложил ухо к двери, голоса затихли. В коридоре раздались шаги людей. Агенту «Моссада» ничего не оставалось, как опять скрыться в проеме, ведущем в подвал. Менахем не видел, что происходило в коридоре, и ему пришлось ориентироваться исключительно на слух. Раздался громкий стук по металлу. Один, два, три. Наконец заскрипела дверь.

– А, это ты, Махмуд, проходи! – голос из служебной комнаты звучал напряженно. Быстрые шаги направились вовнутрь помещения. – Посмотри, что творится в храме, какая толчея, – взволнованный голос обратился к вошедшему человеку.

Молчание, затем послышался другой, более мягкий голос:

– Махмуд, так что нам делать?

Опять пауза. Менахем осторожно выглянул из засады. В коридоре никого не было, дверь в служебное помещение приоткрыта. Он заглянул в комнату. У большого стола, на котором размещалась огромная панель с кучей кнопок, рычажков и мигающих лампочек, стояли трое мужчин и внимательно смотрели на многочисленные мониторы на стене, демонстрировавшие молельный зал мечети. Каждый экран с разных ракурсов показывал верующих, столпившихся плотной стеной у входа.

– Да, сегодня что-то очень много людей.

Плотный мужчина невысокого роста, лица которого не было видно, показал пальцем на один из экранов:

– Мне не нравятся вон те люди, – он нажал на кнопку и потянул на себя небольшой рычажок. Объектив камеры выхватил крупным планом несколько человек. В руках у одного из них заблестел подозрительный предмет.

– Посмотри, Махмуд, мне кажется, у него нож или пистолет.

– Успокойся, Валид, в мечеть с оружием правоверный никогда не придет. Может быть, нам просто показалось?

– Эээ! Махмуд, тебе вроде как сорок пять недавно стукнуло, а все не можешь осознать, что среди всех этих верующих обязательно найдется засланный агент «Моссада». Они только и ждут удобного случая, чтобы надругаться над нами и осквернить нашу святыню, обagrив мечеть кровью. Возьми Мустафу, найдите еще пару человек и осторожно задержите вот этого человека. – Валид еще ближе навел камеру на подозрительного человека. – Видите! Он находится в западном крыле у пятой колонны. Поторопитесь. Иначе шейх нам всем головы оторвет.

Махмуд потоптался еще некоторое время у экрана. Зашумел принтер, из которого выполз лист с изображением подозрительного мужчины.

– Идите! Я буду отслеживать ситуацию отсюда! Если что, вызову подмогу.

Охранники направились к выходу. Дверь распахнулась. Мужчины поспешили по коридору к служебному входу в мечеть. Менахем замер у стенки, спрятавшись за открывшуюся дверь. Больше всего он боялся в этот момент, что замяукает кошка. Удалявшиеся шаги затихли. Овадьа придержал дверь и незаметно запихнул кошку в проем. Вскоре раздался удивленный скрипучий голос Махмуда: «А ты что здесь делаешь?» Кошка с испуга запрыгнула на пульт и побежала по панели, наступая на кнопки. «Ах ты проклятое создание, куда побежала!» Охранник попробовал поймать животное, но кошка ловко перепрыгнула через пульт на другую часть панели. Экраны начали быстро менять картинку, некоторые мониторы погасли. «Ах ты bestия такая!» – Махмуд изловчился и схватил кошку за холку. Усатый незванный гость жалобно замяукал, и в это время Менахем нажал кнопку микроскопического пульта.

Раздался резкий срежет, затем глухой стон, и наступила тишина. Тень Овадьа скользнула по стене внутрь комнаты. Взору Менахема предстал плотный мужчина, лежащий на полу

лицом вниз, рядом с которым, ошетилившись дугой, неподвижно стояла взъерошенная кошка, от испуга вытаращившая зеленые глаза. Агент «Моссада» нежно погладил животное и осторожно снял с ошейника датчик. Затем бросил взгляд на металлический шкаф, похожий на архив видеорегистратора. Он почти молниеносно пробежался по датам записей, нашел нужную полку и быстро вытащил оттуда блестящий диск.

Глава 9

Казалось, весь город вышел встречать самого почетного гостя столицы. Тысячи полицейских выстроились в ряд вдоль всего пути, сдерживая огромную толпу людей, с ликованием приветствовавших своего кумира. По центральным улицам Эр-Рияда ехал внушительный кортеж автомобилей, в открытом лимузине сидел главный виновник всех этих торжеств – шейх Исин, рядом с которым на переднем сиденье размещался Саид. Его глаза возбужденно бегали по сторонам, в каждом из ликующих людей он видел убийцу. Нервы были на пределе. Он готов был закрыть своим телом друга, чтобы в случае смертельной опасности принять удар на себя.

Кортеж мчался на большой скорости, за безопасность гостя отвечала местная служба безопасности, предпринявшая беспрецедентные меры предосторожности. На крышах домов были размещены снайперы, готовые открыть огонь по любому человеку в случае угрозы для жизни шейха. В толпе встречающих было много сотрудников в штатском, лимузин со всех сторон сопровождали до зубов вооруженные личные охранники самого короля. И хотя город радостно встречал Исина как национального героя, символ стойкости и мужества всего арабского мира, старец мало что мог рассмотреть вокруг себя, громкие овации не доносились до него, так как плохой слух не пропускал звуки вокруг, да и мысли его были далеко не праздничные.

Еще в Секторе Газа он получил информацию, что в мечети Аль-Акса под полом обнаружены странные символы, которые являлись нитью для разгадки самой важной тайны человечества. Исин, будучи теологом, был знаком с Ветхим Заветом, а Коран подтверждал в своих писаниях многие факты древнееврейских историй. В папке, которая была спрятана у него за поясом, лежали фотографии иероглифов из мечети Аль-Акса, и теперь ему с нетерпением хотелось разгадать значения всех этих таинственных знаков. Гибель имама Амина аль-Хусейна только подтвердила важность и таинственность найденных изображений. Исин перед отъездом в Египет дал указания усилить охрану мечети, а в случае проникновения в Аль-Аксу посторонних людей поднимать тревогу, вплоть до протеста всего мусульманского мира.

Кортеж въехал на территорию королевского дворца. Саид немного расслабился, понимая, что самое опасное и непредсказуемое осталось позади. Ему приятно было видеть, с какой радостью люди встречали его друга. Король встретил Исина у входа в главный зал, с почтением наклонившись к человеку, сидящему в инвалидном кресле, он тепло и радушно обнял почетного гостя. Сотни объективов фотоаппаратов и видеокамер запечатлели исторический момент встречи самых влиятельных лидеров арабского мира. По окончании приема король объявил, что поддержит справедливую борьбу палестинского народа с израильскими оккупантами, про себя решив, что пятьдесят миллионов долларов, которые он первоначально решил выделить на поддержку движения «Хамам», будет недостаточно, а вот сто двадцать миллионов станут уместной суммой в борьбе за правое дело. На его решение повлияла беседа с самим шейхом.

Из Эр-Рияда Исин тайно отправился в Мекку. Теперь не было почетного эскорта, многочисленной охраны и ярких приветствий толпы поклонников. Под покровом ночи шейх выехал на скромном, не бросающемся в глаза микроавтобусе в Мекку. Там он намеревался посетить одного из крупнейших историков ислама, теолога Хасана бен Рахмана Хадида, о котором много слышал. Всю ночь машина мчалась на запад по широкой, ярко освещенной трассе. Исин спал на заднем сидении. Саид дал ему снотворное, чтобы шейх мог лучше выспаться перед важной встречей. Охранник тоже пытался немного вздремнуть, но привычка быть всегда начеку не позволила ему расслабиться. К утру автомобиль въехал в главный город исламского мира. В большом доме ведущего исламского теолога было много комнат, но главной являлась огромная библиотека, в которой и состоялась встреча двух духовных лиц.

Хасан бен Рахман Хаидид внимательно слушал шейха, сидя на традиционном диване в окружении множества подушек.

– Благодарю тебя, брат мой, за то, что нашел время для беседы со мной и принял столь радушно в своем доме, – приветствовал шейх хозяина дома.

Теолог поклонился Исину в знак уважения и благодарности за высокую оценку своей персоны. Шейх продолжил:

– Я просил бы тебя дать мне слово, что наша беседа останется только между нами, ибо разговор предстоит весьма приватный и должен быть недоступен чужим ушам.

Хасан кивком подтвердил свой обет молчания.

– Посмотри, брат мой, что нашли мои люди, – старец подъехал к теологу и передал ему папку с бумагами. – Скажи мне, что они означают?

Историк степенно взял документы из рук Исина, взглянул на них и тут же воскликнул:

– Почтенный, откуда у вас эти рисунки?

Шейх промолчал, давая понять, что на этот вопрос пока отвечать не намерен. Степеньность Хасана испарилась. Он судорожно схватил документы и стал их изучать. Поглощенный записями, он произнес таким растерянным тоном, что можно было подумать, что он и сам не верит в то, что говорит, и старается убедить себя самого:

– Так это же записи, которые потеряли почти две тысячи пятьсот лет назад, – наконец взяв себя в руки, хозяин дома изумленно взглянул на Исина. – Этого не может быть. Откуда это у вас?

Старец приложил руку к уху, стараясь понять, правильно ли услышал своего собеседника. С его уст едва предательски не слетели слова «Мечеть Аль-Акса», но он вовремя осекся:

– Мне передал эти документы один из моих приверженцев, он случайно обнаружил их в своем старом доме, который разбомбили израильтяне.

– Странно, – Хасан никак не мог поверить в то, что держит в руках столь старинные записи. – Эти документы указывают, где находится Ковчег Завета, самая главная ценность человечества. Но мне кажется, что это может быть и подделка. Сейчас многие в погоне за сенсацией преподносят фальшивки вместо настоящих артефактов. Вы не могли бы мне показать оригинал? – глаза историка загорелись странным огнем.

– Нет. Это все, что у меня есть. Не мог бы ты меня познакомить с этим Ковчегом Завета?

Теолог смотрел на рисунки, пораженный столь уникальной и в то же время странной находкой:

– Да, конечно, – он взял стул и сел рядом с Исинам, чтобы шейху было лучше слышно. – Ковчег Завета достался пророку Мусе, наш Всевышний даровал его евреям с условием, что они будут дорожить заповедями Бога нашего, взамен обещав дать Землю обетованную, на которой они и будут жить в любви и добре. Но народ иудейский нарушил заповеди Бога, придя на Землю обетованную. Забыл про законы Аллаха, погряз в разврате, алчности и множестве грехов. Бог долго терпел поведение людей, ожидая, что они смогут опомниться и вернуться в лоно заветов, но евреи забыли, кому обязаны жизнью и всеми благами, ниспосланными с небес. В гневе Всевышний отнял у них свой дар и ниспослал на евреев войны и мор. В шестом веке до нашей эры вавилонский царь Навуходоносор предпринял поход на иудеев и завоевал в результате тяжелого сражения Иерусалим. Город был полностью разрушен, Навуходоносор сравнял его с землей. Иудеи, жившие в городе, были отправлены в изгнание в Вавилон и другие близлежащие города как наказание Всевышнего. Через сорок лет Бог смягчился, и ссылка иудеев закончилась, они вновь смогли вернуться в Иерусалим. По возвращении иудеев в Иерусалим храм вновь был восстановлен, но зал, где до разрушения хранились Божественные скрижали, оставался пуст. Однако вскоре среди иудеев распространилась весть, что ковчег вовсе не исчез. Из уст в уста передавалась всееляющая тайную надежду весть о том, что Ковчег был спасен из храма до разрушения одной из иудейских общин – левитами, хранится в особом тайном месте под храмом и место его известно лишь посвященным. Последнее упоминание о местоположении Ковчеха встречается в исторических летописях в семидесятих годах до нашей эры,

когда римский прокуратор Тит, вновь разрушивший Иерусалим и сжегший храм царя Соломона, якобы добрался до тайной комнаты под храмом, обнаружил Ковчег Завета и вывез его и все священные предметы из Иерусалима в Рим. Ковчег, который, как принято было полагать, хранился в Иерусалиме с пятисот восьмьдесят седьмого года по семидесятый год до нашей эры, с тех пор исчез и не обнаружен по сей день.

– И куда же исчез Ковчег Завета? Или это всего лишь миф? – поинтересовался Исин, подставляя руку ближе к уху, чтобы лучше расслышать слова Хасана.

– Я не знаю, но согласно хадисам пророка Мухаммеда Ковчег Завета находится в городе Антакья, что на пограничной территории современной Турции, близ сирийской границы. Его спрятали там левиты, тайные хранители подарка Аллаха, они спасли священный ларец из захваченного Иерусалима.

– Почему же тогда его не могут найти? Ведь современная техника может многое.

Историк сделал паузу:

– Это только предположение, гипотез много, кто-то говорит, что Ковчег обнаружили крестоносцы, а точнее тайная организация монахов ордена тамплиеров «Рыцари Храма», иначе именовавшихся храмовниками. Это были избранные люди, свято веровавшие в Бога и имевшие доступ к святыне. Все в их жизни было подчинено одной цели – сберечь Ковчег Завета, чтобы никто не узнал о месте его нахождения. Предположений много.

– Понятно, мой друг, – Исин на минуту задумался. – А почему так сильно оберегают эту святыню?

Историк улыбнулся:

– С религиозной точки зрения это дар Бога людям, Ковчег – единственное подтверждение материального нахождения Всевышнего на Земле. Но есть еще другое, более серьезное опасение. Дар Бога имеет мощное сакральное значение.

Шейх оживился, глаза старца заблестели:

– Это имеет какое-то отношение к исламу?

– Да, и не только. Ковчег пропал тогда, когда люди забыли про заповеди Божьи. В Коране говорится: и наступит хаос в мире, начнется строительство высотных домов; украшения мечетей; увеличится невежество, пьянство, прелюбодеяние и притеснение; начнется ослабление веры; появится неуважение родителей детьми и младшими старших; уменьшится количество мужчин, увеличится число женщин; усилятся раздоры между мусульманами; станут частыми песнопенья, хождение женщин в полуголом виде; занятие женщин торговлей и другое. И тогда Аллах пошлет на землю своего единственного оставшегося посланника. Ковчег Завета будет найден последним пророком по имени Махди. Это станет главным знаменем, указывающим на личность Махди, и символом власти и благодати, которую Аллах дарует своему избраннику (как это было при правлении пророка Талута), который и найдет Ковчег Завета. Затем придет Даджал (Антихрист), после этого произойдет второе пришествие Иисуса Христа (Иса (мир ему)), затем объявится некое животное Дабат аль-арзи. Далее солнце взойдет с запада, заберут Коран с Земли, оставив только чистые листы. После убийства Даджала появятся Йаджудж-Маджудж (Гог и Магог). Дальше произойдет череда событий, итогом которых станут Конец света и Судный день, где каждому будет воздано по его деяниям.

– Так что, получается, весь мир должен погибнуть? – лицо шейха перекошилось от внутренней боли.

– Я не говорю об этом, я только передаю святыне писания, а человек волен воспринимать их в меру своей веры во Всевышнего. Но грехи человечества никуда не делись, они накапливаются со всевозрастающей скоростью, и когда-то этому придет конец.

– И на земле пострадают все люди, до единого?

– Я это не утверждаю, – историк немного смутился. – Но Всевышний имеет огромное терпение, давая возможность человечеству исправиться. Однако у самого крепкого терпения

есть один минус – страшный гнев. И он обязательно когда-нибудь обрушится с небес на землю, если люди не осознают, что нельзя идти против заповедей Бога.

Наступило молчание. Исин долго думал, переживая за все человечество. Перед его глазами почему-то возникли образы собственных одиннадцати детей, когда они были малышами с чистыми душами и ясными глазами. Он с раннего детства старался привить им доброту и заботу, любовь к ближнему и сострадание к несчастным. Но борьба с оккупантами сделала многих из них черствыми и жестокими к врагам, испачкав их души ненавистью и кровью отщепеня.

– Хасан! – наконец проговорил старец. – А что обозначают рисунки, которые я дал тебе?

Историк, мысленно прочитав молитву, поднял глаза к небу:

– Я не знаю, святейшество, где вы обнаружили эти символы, но они открывают дверь в самый таинственный проход в будущее человечества. Только Махди может пройти по нему и выполнить волю Всевышнего. Так просто эти знамения не могли попасть к вам, ибо только Аллах определяет своего последнего пророка, – историк покорно опустил голову. – Больше мне нечего вам сказать.

Разведчики, посланные Моисеем, вернулись обратно. Пророк сидел на сером большом камне, опираясь на посох, он выглядел сильно уставшим, взлохмаченные редкие седые волосы развевались на ветру. Больные руки с трудом подчинялись его воле, голова самопроизвольно тряслась в нервном тике. Пальцы с трудом перебирали посох, и только ясные светлые глаза напоминали всем того самого Моисея, который даровал сорок лет назад всему еврейскому народу свободу. Он силился держаться бодро, но возраст неуклонно брал свое, ослабляя с каждым днем и без того брэнное тело. По правую руку от пророка, величественно выпрямив спину, стоял Аарон, он гордо поднял голову и приготовился выслушать донесения верных людей. Чуть в стороне находился Исхак, с недоверием оглядывавший людей, прибывших из рейда по окрестностям.

– Говорите, дети мои, что вы видели там, за барханами? – Моисей все еще обладал грозным голосом, который приводил в трепет всех евреев.

Двое молодых мужчин упали на колени:

– Там река! За этим барханом широкая светлая река, вода чистая и прохладная.

Они хотели продолжить рассказ, но Исхак нетерпеливо перебил их:

– Так вы видели Землю обетованную?

– Да! Да! Конечно! Там зеленые луга, много лесов, прохлада и благодать.

Один из мужчин достал узелок, развернул его и подал несколько сочных фруктов. Аарон подошел к разведчику, взял дары и передал их Моисею. Пророк даже не посмотрел на подарки и перевел взгляд на Исхака:

– Что же, теперь-то ты убедился, что Земля обетованная совсем рядом? Наши испытания подходят к концу. Завтра Бог дарует нам землю, на которой мы будем жить в радости и благоденствии.

Неожиданно один из лазутчиков поднял голову:

– Моисей, но мы не сможем туда пройти, там проживают другие племена, они высокого роста, сильные и хорошо вооружены, вдоль границы рядом с пустыней у них расположено большое войско, и нам не одолеть его никогда, эти люди не подпустят нас даже к реке. Идти туда – значит обречь весь наш народ на верную гибель.

Исхак, от гнева сжимая руки в кулаки, подошел к пророку:

– Так вот куда ты нас привел? На погибель.

К Моисею потянулись люди, они окружили его плотной стеной.

– Мы шли сорок лет, страдая, умирали, веря тебе и Богу, которого ты нам нарисовал в нашем воображении. А теперь что, за все наши муки Бог послал нам смерть от жестокого противника?

Толпа начала стремительно расти, новость о предстоящей смертельной битве мигом разнеслась по огромному лагерю, люди, в гневе покидая свои палатки, направлялись к правителю.

– Моисей, ты опять нас обманул? – толпа бушевала от осознания обреченности и жестокого обмана со стороны пророка.

– Народ мой! – Аарон попытался облагоразумить людей. – Вы получили свободу, мы прошли почти весь трудный путь, выполнив волю Бога, еще немного и мы увидим нашу Землю обетованную. Верьте Моисею, ибо его ведет сам Отец наш небесный, – первосвященник вскинул правую руку, перстом указывая на небо.

– Хватит! – тысячи голосов перебили заклинания Аарона. – Нет Бога! Все это выдумки.

Толпа решительно двинулась на Моисея, желая покарать человека, который ввел их в заблуждение. И в это мгновение все вокруг потемнело. Небо покрылось тучами, солнце скрылось за облаками. Сумерки накрыли землю. Ослепительная вспышка пронеслась по небосклону от горизонта до горизонта, осветив на мгновение ярким огнем весь небесный купол. Страшный грохот расколол воздух. Люди остановились словно парализованные, глядя испуганными глазами на небеса. Исхак первым упал на колени, но в это время почувствовал, как под ногами зашевелился песок и из него одна за другой стали выползать змеи. Они заполонили все пространство. Исхак замер, боясь пошевелиться, серые ползучие гады покрыли всю землю. Змеи, как по команде, высоко подняли головы и громко зашипели. Пугающий звук распространился по лагерю. Одна из кобр, грозно раздув капюшон и глядя прямо в глаза Исхаку, бросилась на него, но он успел схватить змею за горло и швырнуть ее со всей силы на землю. Она ударилась о каменистую почву, отчаянно извиваясь от боли. В это время Исхак почувствовал, как в его тело впились несколько ядовитых зубов других змей. Кобры набросились на людей, которые взбунтовались против Моисея.

Первые ряды большой толпы замертво упали на землю от страшных укусов ядовитых тварей. Змеи поднимались все выше, наводя на людей ужас своим шипением. Они мощными бросками, которые свойственны львам, набрасывались на евреев, недовольных своим правителем. Толпа заволновалась, паника охватила людей, мужчины, старики, женщины, дети пытались бежать. Но змеи были повсюду, они окружили лагерь мощным кольцом и теперь устроили охоту на каждого, кто проявил непочтение к пророку. Моисей устало опустил голову, у него не было сил остановить сначала недовольство людей, а затем и появление огромного количества кобр. Он закрыл глаза, уповая только на Божью волю. Голова от усталости склонилась к груди, и он впал в небытие, однако отчаянные крики людей заставили его очнуться.

– Что происходит, брат мой? – окликнул он Аарона.

Первосвященник не мог пошевелиться от ужаса представшей пред ним картины. Миллионы змей атаковали людей, принося страшные страдания и смерть. Они не щадили никого, обходя стороной только левитов, его и Моисея.

– Это проклятие Бога! – успел промолвить первосвященник, едва дыша от страха.

Пророк с огромным трудом, опираясь на посох, поднялся. Руки не слушались его, голова по-прежнему произвольно подергивалась. Он поднял глаза к небу:

– Господь мой! Не губи нас. Мы веруем в Тебя даже тогда, когда ошибаемся. Пусть все змеи, посланные тобой, искушают только меня, но не губи народ. Испытание смертью уничтожит людей и погубит ту славу, которую мы несли сорок лет через все испытания. Прости их, ибо человек – создание слабое, оно нуждается в пище, тепле, домашнем уюте, и без Тебя, Отец наш небесный, мы не способны на великие свершения. Дай нам последний шанс на выживание.

Моисей опустил глаза, его ноги подкашивались от слабости, и он беспомощно повалился на камень со страшной болью в груди. Аарон успел подхватить брата:

– Что с тобой, Моисей?

Первосвященник усадил пророка на камень.

– Покинь меня, брат, на некоторое время, мне надо побыть одному, – успел прошептать пророк, теряя сознание.

Он завалился на землю. Змеи сразу расползлись в разные стороны, оставив вокруг пророка пустое пространство. Голос с небес разнесся по всей пустыне:

– Моисей, ты допустил сомнения, позволил своему народу быть недовольным испытанием!

– Да! – бледные обветренные губы с трудом прошептали, касаясь пыльной земли.

– Твой народ не доволен манной небесной? Желает есть мясо и сладости, не достигнув цели?

– Да.

– Народ израильский не верит в Меня?

– Нет, – Моисей не видел ничего перед собой, не слышал стонов своих сородичей, в муках корчившихся повсюду от укусов ядовитых змей. – Мы веруем в Тебя и молим простить за слабости, проявленные в пустыне. Мы поклоняемся только Тебе и доверяем свою жизнь только Тебе.

Стоны людей прекратились, шипенье затихло.

– Моисей, ты должен понять, что терпенье Мое не бесконечно и великодушие имеет свои границы. Вставай! У тебя есть последний шанс спасти свой народ, ты должен образумить евреев и направить в ложе того пути, которое я предначертал в своих заветах. Помни об этом.

– Да, Господь Бог! Я выполню любую Твою волю.

Пророк стал приходить в себя, поднимаясь на колени. Голос с небес громом звучал в ушах Моисея:

– Ты спасешь свой народ, избранный мной, но люди должны будут покаяться перед лицом мучительной смерти и избавиться от пороков раз и навсегда!

– Хорошо! – пророк поднял полные слез глаза к небу. – Я сделаю все, что Ты скажешь, выполню любую Твою просьбу.

– Достаточно, Моисей! Я верю тебе! Завтра состоится битва у реки Иордан, в котором твое войско победит сильного противника, и народ израильский ступит на Землю обетованную.

Бог замолчал. Моисей покорно склонил голову, рыдая от счастья.

– Но путь тебе туда будет заказан, ты умрешь, так и не вступив на землю мечты! – послышались последние слова с неба.

– Да будет воля Твоя! – Моисей, преодолевая невероятную слабость, вознес руки к небу.

Глава 10

Менахем разложил несколько больших фотографий на столе:

– Вот посмотрите, босс! Эти люди проводили замену пола в мечети Аль-Акса в ту злополучную ночь. Эти двенадцать человек – рабочие арабы из Вифлеема. – Овадья выложил еще целую пачку снимков. – Мы знаем их имена, фамилии, адреса. Они обычные труженики, к политике и терроризму никакого отношения не имеют.

– Странно! За что тогда их убили?! – Кейла Овальская внимательно всматривалась в лица палестинцев, которые так трагично закончили свой путь на земле. – Может быть, их убили из-за денег, чтобы не платить за их труд?

– Вряд ли. Им заплатили не так много за работу, да и сам почерк убийства очень странный.

– А кто был тринадцатым? – поинтересовалась Кейла.

– Вот он!

Большая фотография легла на стол перед руководителем управления. На снимке был запечатлен крепкий старик со странным блеском в глазах, камера сумела поймать нужный

момент и подчеркнуть особенность характера незнакомца. Странный рабочий наклонился к полу, видимо что-то поднимая. Овальская внимательно изучала фото, а потом вдруг небрежно отложила его в сторону, невзначай обронив:

– Старик как старик. Ничего особенного.

От удивления у Менахема приподнялись брови, он вопросительно посмотрел на руководителя:

– Как ничего особенного? Во-первых, внешность старика очень странная, во-вторых, посмотрите на его пальцы.

– А что такого подозрительного в его внешности? – поинтересовалась Кейла.

От такого вопроса Овадья окончательно растерялся. То, что опытный полковник Овальская не замечала того, что видел он, молодой агент, привело его в замешательство. Наконец Менахем пришел в себя:

– На плотника или столяра этот человек не похож, у него очень аристократическое лицо, и пальцы это тоже подтверждают, они длинные, тонкие и чувствительные, я бы еще поверил, что он известный музыкант, но точно не рабочий.

Кейла нехотя взяла фотографию и небрежно посмотрела на нее:

– Ну да, может быть, ты прав, Менахем, немножко необычный старик, но не более.

Менахем опять не верил своим ушам:

– Босс?! Разве вы не видите перстень у него на пальце?

Овальская слегка прищурила глаза и присмотрелась:

– А, да, вижу. Кольцо какое-то!

– Босс! Это перстень, и очень необычный и большой перстень. Такое украшение я еще ни разу в жизни не видел. И еще, босс, этого человека нет ни в одной базе: ни в паспортной службе, ни у таможенников, ни у пограничников.

Овальская неожиданно слабо зевнула, едва успев прикрыть рот рукой:

– Ты знаешь, Менахем, такое бывает. Иногда эти бюрократы просто забывают внести людей в свою базу.

После последних слов полковника Овальской Менахем почувствовал, как по его спине пробежала дрожь.

После того как Менахем Овадья появился в кабинете директора «Моссада», пройдя через все испытания, молодому человеку позволили окончить университет, а затем взяли на работу в разведку. Помогла также способность быстро осваивать языки. Свои первые шаги он начал на Западном берегу реки Иордан, в городе Рамалла, где устроился работать таксистом по поддельному палестинскому паспорту на имя Махмуда Азиза. В задачу агента «Моссада» входило внедрение в исламскую группировку «Хамам» и выявление замыслов мусульманских террористов.

Но Овадья параллельно занялся решением еще и другой задачи. Его больше всего мучило то, что убийцы его родителей оставались на свободе и радовались жизни. Вычислить этих людей было несложно. Менахем еще до поступления в «Моссад» вскрыл через интернет хранилище записей видеокамер, которые работали на улице Давида рядом с его домом. После долгой кропотливой работы были отобраны десять подозреваемых. Он нашел их личные истории и проверил каждого из них, число подозреваемых сократилось до трех человек. Затем Овадья нелегально воспользовался закрытой электронной базой полиции. Двое арабов проходили по ней как особо опасные преступники, находившиеся в розыске по линии Интерпола. Юношу смутило, что столь опасные рецидивисты, чьи фотографии имеются в каждой патрульной полицейской машине, могли вот так спокойно вернуться в центр Иерусалима, где приняты беспрецедентные меры безопасности. Загнанный в угол такими обстоятельствами Менахем долго не

находил выхода из столь непонятной ситуации. Зачем матерым убийцам были нужны души его родителей? Ответ подсказала хакерская атака на сверхсекретный сервер «Моссада».

Юноше удалось войти в закрытое хранилище, содержащее данные тайной агентуры разведки. Там он и нашел двух подозреваемых, одним из них был Абу Хабиби по кличке Волк, а другим – Бен Сахим. Оба работали на некоего Моше Айтона. Как было сказано в документах, для выполнения особо важных заданий закрытой разведывательной системы «Саяним», которая занималась тем, что убивала палестинских активистов, а порой и евреев, сочувствующих арабам по всему миру, обставляя преступления или как разборки между палестинцами, или как банальные грабежи. Но больше всего юношу поразило то, что оба преступника жили как ни в чем не бывало в самом Иерусалиме в престижном районе Неве-Шаанан по паспортам граждан Израиля Альфреда Рафи и Равиля Дагана. Информации Менахем добыл много, но вместо ответов он получил вопросы: Почему убийцы на свободе, да еще и живут припеваючи в богатом районе? И почему их курирует «Моссад»?

Опыт хакерской работы пригодился юноше вновь. Он вскрыл сервер оператора сотовой связи «Хот Мобил», нашел номера нужных ему людей и историю всех входящих и исходящих звонков. Овадьа выяснил, что чаще всего эти так называемые агенты влияния набирали некий незнакомый номер. Он проверил номер по базе данных сотовой компании и к своему удивлению обнаружил, что его владельцем был Моше Айтон. Телефонная компания «Хот Мобил» тесно взаимодействовала с «Моссадом», это Овадьа прекрасно знал, ему самому на работе дали номер от этой компании. Дальше путь лежал к телефонным разговорам самого сотрудника «Моссада» Моше Айтона. Анализ показал, что агент «Моссада» часто перезванивался с неким Марком Зильберманом. Мозг Менахема заработал еще быстрее, стараясь сопоставить все факты и полученную информацию. Вскоре он выяснил, что представитель «Моссада» вел частые разговоры по телефону с руководителем крупной фирмы по разработке и производству разведывательной аппаратуры для видеослежения. У отца Овадьа ведь тоже была своя фирма по видеослежению, причем он была лидером рынка и имела свои внутренние корпоративные исследования и очень перспективные разработки. Вся цепочка от заказчика до исполнителя стала понятна Менахему Овадье. Отца заказал глава конкурирующей фирмы «Этитель», занимающейся поставками самого современного высокотехнологичного оборудования для «Моссада».

«Но зачем убили мать?» – юноша все никак не мог дать себе ответ на этот вопрос. Но потом его осенило. Они убили его родителей дома, чтобы выставить преступление как ограбление. Это подтверждал также и тот факт, что исполнители были мастерами в имитации убийств.

Менахем взглянул на специальное оборудование, которым его обеспечило техническое управление «Моссада», наклейки говорили, что его поставляет та самая фирма «Этитель».

Змеи все еще шипели, высоко поднявшись над землей. Широкие капюшоны кобр грозно раздувались. Но сейчас дальше угрожающего шипения змеи не переходили. Пустыня замерла. На песке в жестоких предсмертных муках корчились сотни тысяч людей, а те, кого змеи еще не успели атаковать, сидели на коленях, боясь пошевелиться.

– Брат мой, подойди ко мне! – Моисей позвал к себе Аарона. Первосвященник, преодолевая страх перед ползучими тварями, подошел к пророку. – Вот что! – трясущейся рукой пророк взял ладонь брата. – Выплавите со своими помощниками из меди фигуру Змия и прикрепите ее к деревянному кресту.

– Зачем, Моисей? Ты разве не видишь, что скоро народ израильский умрет от смертельных укусов этих гадов? – Аарон со страхом в душе обвел взглядом огромный лагерь, заполненный миллионами кобр.

– Делай, как я тебе велю! – голос пророка внезапно стал громовым.

Первосвященник вздрогнул:

– Хорошо, конечно, брат, я все понял.

Аарон, по-прежнему опасаясь кобр, принялся за работу, командуя своими помощниками. Разгорелся костер, несколько человек месили глину, готовя форму для будущего изваяния под взглядами остекленевших глаз все еще шипящих кобр. Послышался стук топоров. Вскоре крест был готов, на нем закрепили отлитую из металла фигуру гигантского Змия.

– Что теперь делать, Моисей? – Аарон почтено обратился к брату.

Дряхлый старец, теряя силы, с трудом поднял голову:

– Установите крест со Змием на вершине того камня. – он бросил взгляд на небольшую скалу, возвышавшуюся над пустыней в центре лагеря.

Крест стали поднимать на камень. Кобры замерли и стали медленно опускаться на землю. Ужасное шипение, нависшее страшным ожиданием над лагерем, вмиг затихло, но одновременно пустыня наполнилась стонами умирающих людей и плачем тех, кто еще был жив. Медный Змий вознесся над пустыней. Моисей оперся на посох, пытаясь встать, но ноги не слушались его. От осознания своей полной немоги глаза пророка наполнились слезами, неожиданно он заметил рядом с собой Исхака, которого, к его великому удивлению, не тронула ни одна змея.

– Подойди ко мне! – пророк позвал к себе человека, который постоянно сомневался в правоте его намерений. – Помоги мне подняться. – Исхак, сам далеко не молодой человек, подошел к дряхлому старцу и помог ему встать на ноги. Стоны и плач раздавались со всех сторон, накрывая лагерь надрывными звуками приближающейся смерти. – Народ мой! Поверните свои взоры к Медному Змию. Отец наш небесный отходчив и дарует нам всем прощение. Но верьте всегда в Бога нашего милосердного, поклоняйтесь и дорожите всеми заповедями, которые открывают нам путь к Земле нашей обетованной.

Медное изваяние засияло в лучах вновь появившегося солнца. Взоры евреев были направлены на крест, который горел ярким огнем. Кобры в одно мгновение исчезли, не оставив после себя и следа. Всепроникающий свет от медного изваяния падал на людей, благочестивым образом исцеляя умирающих евреев. Лагерь пришел в движение, израильтяне стали приходить в чувство, стоны и плач прекратились, один за другим люди начали вставать с земли, вознося руки в благодарности к небу. Слезы радости текли по бледным, испещренным многочисленными морщинами, провалившимся щекам пророка:

– Спасибо Тебе, Отец наш! – глаза Моисея не видели больше ничего, кроме бесконечной голубой дали.

К вечеру лагерь заснул со вздохом облегчения, раны на телах евреев исчезли, от многочисленных укусов не осталось и следа. Матери, как можно сильнее прижав к себе детей, укладывали их спать, едва сдерживая слезы счастья. Старики, потерявшие было веру в будущее своего народа, тихо молились в углу своих палаток, возносили дань Всевышнему, и только мужчины сидели на улице, глядя на черное небо, думали о предстоящей битве, которая должна была открыть двери в Землю обетованную.

Лагерь проснулся с первыми лучами солнца, появившимися с востока. Медный горн звал в путь. Мужчины строились в отряды, во главе которых стояли опытные воины. Огромная армия израильтян вытянулась по пустыне. Моисей не мог ходить, ноги в это утро не слушались его. Он приказал посадить его на носилки и направился во главу войска. Рядом с ним в полном боевом одеянии двигался сын Исхака, Иисус, который был мудрым командиром, не раз спасавшим евреев от набегов диких племен, попадавших иногда в пустыне. Неподалеку от Моисея левиты несли самое главное сокровище – Ковчег Завета.

Армия израильтян вышла на широкий простор. Белая полоса тумана закрывала все, что было впереди. Моисей жестом остановил войско. Отряды выстроились в линию, готовые в

любой момент броситься в бой. Нервное напряжение нарастало. Воины крепко сжимали в руках копья, готовясь к самому страшному.

– Поднимите носилки! Я должен видеть, что там происходит, – слабым голосом обратился Моисей к помощникам. Кресло, на котором восседал пророк, поднялось над войском. Туман стал медленно рассеиваться. Белая мгла таяла на глазах, обнажая стройные ряды грозных воинов, выстроившихся против еврейской армии. Противник превосходил израильтян по численности в пять раз.

Иисус подошел к пророку:

– Моисей, команду! Мы готовы выступить в бой. Погибнем все до одного, но прорвем оборону врага.

– Не спеши, – пророк с трудом вглядывался в черную даль, потемневшую от огромного количества воинов противника. – Своими силами нам не победить это войско. Аарон! Подойди ко мне!

Первосвященник подбежал к брату:

– Слушаю тебя.

– Прочитай молитву! Воздай хвалу Отцу нашему Господу Богу, попроси у него помощи и благословения. – Моисей перевел взгляд на левитов. – А вы поставьте Ковчег Завета перед войском, – пророк сделал небольшую паузу. – Всем во время молитвы закрыть глаза и не открывать их, пока я не дам команду.

Аарон сел на колени, воины последовали его примеру.

– Братья мои, воздадим хвалу Богу нашему! – первосвященник наклонился и опустил голову на землю. – Молитесь, братья мои.

Левиты поставили Ковчег Завета перед армией, отошли назад и склонились перед небесами. Пророк, закрыв лицо ладонями, стал читать про себя какую-то молитву. Черное войско врага, не дожидаясь, когда армия израильтян начнет наступление, первым бросилось в атаку. Евреи послушно сидели на коленях, читая про себя молитву. Прямо на них во всю мощь мчались колесницы, за которыми черным потоком неслась огромная лавина рослых воинов. Облако пыли накрыло пустыню. Иисус, не выдержав, подбежал к пророку:

– Моисей, армия врага стремительно наступает, скоро они сметут наше войско. Дай команду к атаке. Мы готовы умереть, но не сдаться.

– На колени и молись! – пророк буквально зашипел от гнева на командующего.

Иисус упал на колени, закрыл глаза и стал читать молитву. Возницы колесниц хлестали изо всех сил коней, желая быстрее разделаться с непрошенными гостями. Топот копыт нарастал, было слышно тяжелое дыхание лошадей, еще мгновение – и грозные колесницы ворвутся в ряды армии евреев. И в этот момент яркая вспышка блеснула над пустыней.

Глава 11

Бейрут приветствовал Исина многоголосым шумом автомобилей, заполонивших улицы столицы Ливана, яркими огнями витрин многочисленных магазинов, пестрой рекламой, кричащей со всех сторон, и огромным количеством умиротворенных жителей, неторопливо прохаживавшихся по широким аллеям мимо высоких пальм, вдоль бесконечного пестрого ковра из разнообразных цветников. Кто-то направлялся в дорогие рестораны. Другие совершали променады по шикарным торговым центрам, третьи наслаждались теплым вечером на приморской набережной, сидя на лавочках в окружении благоухающих кустов. В Бейруте, казалось, сочеталось все: восточная роскошь и европейская толерантность, американская раскованность и арабские ценности, но главное – в этом городе ощущались свобода, достаток и достоинство жителей. Среди всех арабских городов только здесь женщины чувствовали себя свободными, не обремененными ограничениями исламских традиций. Да и чужестранцы ощущали себя здесь почти как дома, не видя особой разницы между собой и местными жителями. Доброжелательность, улыбочивость и гостеприимство были визитной карточкой города.

Путь Исина лежал в небольшую деревушку на востоке Ливана в долине Бекаа, где находилась штаб-квартира его союзника по борьбе с израильскими оккупантами – шейха Насруллы, главы исламской организации под названием «Солнце Аллаха». Исин до этого ни разу не встречался с этим легендарным человеком, которого высоко ценили во всем мусульманском мире, особенно среди шиитов. В свое время его, тогда еще молодого человека, благословил сам аятолла Хомейни, духовный лидер Ирана, желавший распространить свое влияние и на Ближний Восток через своих доверенных учеников и обеспечивший большие денежные вливания в талантливого проповедника, который благодаря своему красноречию и организаторскому таланту сумел привлечь всех шиитов Ливана под свои знамена. Несколько лет назад он объявил открытую войну израильтянам, захватившим юг Ливана. Взрывы, обстрелы, постоянные нападения на оккупационные войска со стороны сторонников Насруллы однажды вынудили Израиль бросить войска на их позиции. Еврейская армия дошла до Бейрута, постоянно атакуя город с воздуха, но войти в столицу Ливана, зная, какое сопротивление окажут его жители, все-таки не решилась. Войска были отведены обратно в Израиль. Но за дело взялся «Моссад», убийство шейха было поручено специальным отрядам «Кидом», к операции подключили также людей из тайной организации «Саяним», которые проживали в Ливане. Когда на решение проблемы бросались столь серьезные силы, шансов выжить у тех, на кого указывал властный палец руководителя израильской разведки, не было ни одного. Охота длилась несколько лет. «Моссад» потерял несколько десятков лучших своих людей. Самых профессиональных убийц «Кидома» периодически находили то в одном районе Бейрута, то в другом, в горной деревушке или небольшом городке на севере Ливана. После подсчета потерь руководству «Моссада» ничего не оставалось, как оставить злополучного шейха в покое и вывести войска с юга Ливана.

Машина Исина покинула столицу Ливана с ее яркими огнями и живой обстановкой и направилась через горный хребет по дороге, ведущей к Дамаску. Скорость пришлось снизить: дорога пролегла по серпантину, частые повороты, крутые обрывы, резкие подъемы и крошечная тьма заставляли соблюдать все меры предосторожности. Автомобиль проехал несколько небольших городков, затем свернул с основной трассы на узкую дорогу, ведущую на юг. Спустя минут пятнадцать машина остановилась у пропускного пункта ополченцев.

– Добро пожаловать в государство Насруллы, здесь действуют только его законы, – с гордостью заявил водитель, молодой мужчина. – Не волнуйтесь, это самая безопасная зона в Ливане, сюда боятся сунуть нос даже вездесущие мозадаовцы. Мы их тут много выловили, –

парень злорадно улыбнулся, демонстрируя личное негативное отношение к Израилю. – Наши ребята свое дело знают хорошо.

Он подъехал к контрольно-пропускному посту, показал какой-то документ. Шлагбаум подняли, и автомобиль поехал дальше. Дорога заняла около часа, но машину останавливали еще пять раз. Наконец дорога вывела в долину Бекаа, стиснутую двумя горными хребтами. По обеим сторонам дороги были натянуты веревки, на которых висели темные одеяла, и было трудно разглядеть находившиеся за ними здания. Машина заехала в небольшой городок. «Вот мы и приехали», – водитель, свернув в узкий переулок, остановился у одного из домов. Саид помог Исину покинуть автомобиль, усадил его в инвалидное кресло. Парень провел гостей в дом. Выходя из машины, краем глаза телохранитель заметил большое количество вооруженных охранников, размещенных по периметру двора.

На входе стояло несколько вооруженных людей, они с почтением поклонились гостям и поцеловали руку старцу: «Ассалам алейкум, святейшество». Исин только слегка кивнул в знак приветствия. Он сильно устал, в груди острой иглой покалывало сердце. Постоянные перемещения сильно изматывали больного человека, но он старался не показывать свое плохое самочувствие. Открылась дверь в просторную светлую залу. Навстречу вышел улыбающийся крупный мужчина с большой черной бородой и белой чалмой на голове.

– Вот ты какой, шейх Насрулла! – старец протянул трясущуюся руку хозяину дома.

– Очень рад знакомству, – лидер ливанских шиитов тепло пожал руку Исина, склонившись перед гостем. – Я много слышал о вас, святейшество, и горжусь тем, что имею честь познакомиться с вами. Мы братья по вере, по нашим идеалам, и странно, что мы не познакомились раньше.

Исин улыбнулся уголками губ, скрывая острую боль в груди:

– На все воля Аллаха, только Всевышний определяет все наши пути.

– Так что привело вас ко мне? – Насрулла сел в кресло напротив старца.

– Мне надо поговорить с тобой наедине, брат мой.

Кивком головы Насрулла попросил всех покинуть зал. Только Саид стоял как вкопанный, держась за поручни коляски.

– Друг мой, мне надо переговорить, не оставишь ли ты нас на некоторое время? – тихо попросил Исин своего телохранителя.

Глаза Саида сверкнули обидой, но он сразу же погасил свои эмоции:

– Как скажете, святейшество! – он поклонился хозяину дома и вышел за дверь.

– Так что вы хотели услышать от меня? – Насрулла подвинул кресло ближе к старцу.

– Меня беспокоит один вопрос. Что обозначают эти письма? – Исин протянул собеседнику фотографии с рисунками.

Шиитский шейх внимательно смотрел на изображения с озабоченным видом:

– Насколько я знаю, – произнес он после долгого молчания, – эти фотографии касаются тайника, в котором спрятан Ковчег Завета. По преданию, его спрятали левиты, спасая святиню от римлян. Я не очень хорошо знаю эту историю, мне ее давно рассказывал аятолла Хомейни.

– Брат мой, ты знаешь, где сейчас находится этот Ковчег? – Исин напряг зрение, слух и свое шестое чувство, которое позволяло ему читать мысли людей.

– Я не могу точно сказать, святейшество, но знаю одно: мой учитель предупреждал меня, что Ковчег Завета способен найти лишь один человек!

– И кто это? – старец весь напрягся от возбуждения.

– Махди. Последний посланник Бога на земле.

– Об этом тебе рассказал Его святейшество аятолла Хомейни? – Исин посмотрел прямо в глаза Насрулле.

– Да! Это был самый святой человек на свете, знающий, пожалуй, все. Я был рядом с ним в его последние часы. Он предупреждал меня о том, что миру угрожает страшное будущее. Мир все больше погружается в грехи, нарушая заповеди Всевышнего. Аллах терпелив, он оставляет людям возможность исправиться, но антихристы с Запада, и особенно иудеи, не понимают, какой угрозе подвергают Землю. Приход Махди погубит мир, в котором так привыкли наслаждаться нечестивые.

– Да, я знаю об этом. Но Ковчег Завета Всевышний завещал евреям, и я боюсь, что именно этот народ может использовать его против нас. Меня пугает именно это.

– Бог дарует одним, но может и изменить свое мнение. Его могущество распространяется не только на еврейский народ, но и на всю вселенную.

– Но если все же Ковчег Завета попадет в руки евреев, что тогда может произойти?

Вопрос Исина заставил Насруллу задумался:

– Тогда иудеи приобретут мощную силу, с которой мы не сможем справиться. Но на этот счет не стоит волноваться, в хадисах говорится, что главная тайна нашего мира доступна только одному пророку Махди, который и завершит нынешнюю историю нашей цивилизации, и тогда молись мы – не молись – весь мир сгорит в страшном огне Судного дня.

Исин покачал головой:

– Я слышал, что левиты спрятали сокровища Всевышнего где-то на границе Сирии и Турции. Что ты думаешь об этом?

Легкая усмешка расплзлась на широком волевом лице Насруллы:

– Мы обыскали весь этот район, там горная местность, много пещер, использовали все новейшие приборы, применили последние достижения науки и техники. Обследовали все, что можно было обследовать, но ничего не нашли. Это был колоссальный, но напрасный труд. Только последний пророк способен найти дар Бога, тем самым закончив наше существование. Ведь грехи людей падают на всех нас, как бы мы ни хотели остаться чистыми в глазах Всевышнего.

– Что правда, то правда.

Забыв о мифологии, союзники продолжили беседу о объединении своих действий против израильтян.

Яркая вспышка осветила пустыню, затмив собой даже солнце. Головы евреев лежали неподвижно на земле, руки прикрывали лицо, губы лихорадочно шептали молитву. Ударная воздушная волна пронеслась над землей, поднимая в небо огромные облака пыли. Красный туман окутал поле брани. Израильтяне, выполняя повеление пророка, обращались к Богу за спасением, понимая, что выиграть эту битву невозможно: «Отец наш, Царь наш! Мы грешили пред Тобою. Отец наш, Царь наш. Нет у нас другого Царя, только Ты. Отец наш, Царь наш! Поступи с нами милосердно ради Имени Твоего. Отец наш, Царь наш! Отведи от нас все тяжкие предопределения. Отец наш, Царь наш! Отец наш, Царь наш! Сорви заговор врагов наших. Отец наш, Царь наш! Покончи со всеми притеснителями и противниками нашими!»

Пыль неторопливо оседала на землю, туман рассеивался. Первым открыл глаза Моисей, он обратил внимание на Ковчег Завета. Между крыльями херувимов догорал синий, едва заметный огонек. Взгляд пророка перенесся туда, где стройными рядами наступали колесницы и несметное войско противника. Черный слой пепла покрывал красно-желтую поверхность пустыни. Рядом не было воинов, лошадей, колесниц, блеска стальных наконечников. Пророк изумился тишине, окутавшей место предстоящей битвы, на котором еще недавно стояли несколько десятков тысяч воинов.

– Иисус Навин! – голос пророка был слаб. – Поднимай армию! Мы идем в наступление!

Раздалась громкая команда, израильтяне оторвали головы от земли, все еще шепча слова молитвы. Некоторое время люди находились во власти общения с Богом, но звонкие голоса

командиров заставили евреев строиться в отряды. Вскоре армия вытянулась в прямую линию, готовая принять бой с могущественным противником. Левиты унесли Ковчег Завета обратно в лагерь. Моисей попросил помощников поднять кресло над войском, чтобы командовать битвой. За черным слоем пепла он увидел небольшое количество воинов, которые странным образом толпились у реки, боясь сдвинуться с места.

– Вперед, братья! Бог на вашей стороне! Иисус, веди армию в атаку! – призвал пророк.

Раздались короткие, но твердые команды. Войско израильтян двинулось длинной цепью на позиции врага, пепел под их ногами поднялся с земли, образуя черную вязкую пелену. Моисею с высоты показалось, что его воины идут по пояс в темной воде, преодолевая длинный брод. Вдали у реки он заметил движение противника, остатки войск врага попытались двинуться в атаку, но что-то мешало им предпринять решительные действия. А ведь еще несколько минут назад гигантское войско амореев решительно двигалось на армию евреев в надежде стереть этот народ с лица земли раз и навсегда.

Перед началом битвы царь амореев Сигон стоял перед солдатами, обращаясь к ним с пламенной речью:

– Дети мои! Вы идете в бой, защищая свою землю от непрошенных гостей, которые разорят наши поля, вырубят леса, начнут унижать наших людей, насиловать женщин, обижать детей. Вы этого хотите?

– Нет!!! – в едином порыве заревело войско.

– Мы не должны жалеть врага, наши боги призывают избавиться от израильтян, не щадя никого. Перед вами стоит армия израильтян. Вы помните, что эти нелюди сотворили с египтянами, которые в свое время пригрели их, дали кров, поделились хлебом? Мы должны разбить врага, там, за холмом, разместился их лагерь, после того, как вы уничтожите армию, режьте их женщин, стариков, детей, не оставляя никого в живых. Воины! Вы могли бы взять евреев в плен, но они не достойны даже этого унижительного состояния, только их смерть очистит землю от скверны. Вперед! – царь Сигон бросил войска в бой, а сам остался у реки, чтобы наблюдать с возвышенности за уничтожением израильтян. Яркая вспышка ослепила глаза. Он не видел ничего перед собой. Порыв ветра сорвал с его головы большой белый головной убор. Сигон протер глаза, пытаясь понять, что происходит на поле битвы. Но не было видно ничего, одни красные пятна пеленой накрыли глаза. Царь долго безуспешно напрягал зрачки, слепота не оставляла его. Вдруг до его слуха донесся топот ног, первые стоны, звуки падающих на землю тел. Последнее, что он услышал и почувствовал, был его собственный отчаянный крик и дикая боль в груди.

Битва закончилась, все амореи были уничтожены. Путь в Землю обетованную был открыт. Моисея поднесли к реке. Он потрогал прохладную воду рукой, и впервые за последние годы на его лице просияла счастливая улыбка:

– Вот мы и прибыли на святую землю, как и завещал нам Всевышний! – он поднял мокрые от радости глаза вверх, шепча слова благодарности Богу. – Спасибо!

Аарон подошел к брату в сопровождении нескольких помощников.

– Моисей! Мои люди перенесут тебя через реку, и ты увидишь нашу новую родину.

Первосвященник хотел было дать команду крепким молодым людям, но пророк грозно предостерег его:

– Не смей!

Аарон с удивлением взглянул на брата:

– Ты что, Моисей? Мы шли сюда сорок лет, чтобы остановиться на краю пустыни и только издалека смотреть на рай, к которому стремились всю жизнь?

Пророк подавил вспышку гнева, его глаза потухли:

– Отнесите меня обратно в лагерь, а ты, Аарон, следуй за мной.

– Но кто же поведет наш народ дальше? Ты же пророк и кому как не тебе возглавить новую эпоху израильтян?

– Нет, брат мой! Наша миссия закончена. Мы выполнили предначертанную нам волю Бога. Путь народа лежит дальше, но за все грехи наших людей ответственность несем мы.

– Но, Моисей, чем мы провинились перед Богом? Тем, что вели народ по пустыне сорок лет, рискуя каждый день жизнью, опасаясь восстания в собственном стане, убеждая людей быть терпеливее и поклоняться Отцу нашему небесному?

– Не богохульничай, Аарон. Ты знаешь, что за все грехи народа в первую очередь отвечаем мы, так как не всегда могли оправдать его доверие.

– Но при чем тут мы, Моисей? Они грешили, а отвечать приходится нам.

– Да, брат мой, ибо мы не смогли проявить ту стойкую силу духа и веру в Бога, которые смогли бы до конца убедить народ. В этом наш смертный грех. Поэтому путь за реку нам заказан.

– Но я не согласен! – лицо Аарона побагровело, губы затряслись от обиды, слезы страшного разочарования выступили на глазах.

– Успокойся, брат. Прими это как данность, как волю Бога, – Моисей посмотрел на первосвященника пронзительным взглядом. – Сегодня на закате дня я умру. Бог призывает меня к себе. Остаток жизни тебе придется провести в одиночестве, молясь каждый день и выпрашивая у Всевышнего прощения.

– Нет! Нет! Моисей, ты не умрешь, мы останемся здесь вместе, будем вспоминать молодые годы, когда играли во дворце фараона, купались в полноводных водах Нила, гуляли по парку, влюблялись и делились своими переживаниями. Ты не можешь покинуть меня в столь тяжелый момент. Нет! Я не отдам тебя никому, – Аарон крепко обнял старца, горько рыдая на груди брата.

Пророк грубо оттолкнул от себя брата:

– Аарон, не иди против воли Бога, ибо только Отец наш небесный определяет будущее каждого из нас! – внезапно пророк стал задыхаться.

– Что с тобой, брат? – первосвященник в испуге схватил холодеющую руку пророка.

– Помоги мне подняться на ту гору, Аарон, – Моисей взглядом указал на невысокую скалу, возвышавшуюся вдали.

– Но ты не дойдешь туда, мы отнесем тебя на гору.

Пророк, преодолевая немощь, дикую усталость и боль в коленях, поднялся на ноги:

– Бог велел мне самому проделать этот последний путь, – и он сделал шаг, а затем другой, посмотрел на небо и попросил только одного – дать силы взойти на гору Нево, чтобы предстать перед Богом.

Первосвященник поддерживал брата, стиснув зубы, стараясь не разрыдаться. К обеду они добрались до подножия горы.

– Все, брат мой! Дальше я пойду один, – Моисей крепко обнял Аарона. – Не плачь, мы скоро встретимся с тобой там, на небесах, и тогда будем бесконечно вспоминать все прожитые годы с самого детства. – Прощай, брат! – скупая мужская слеза скатилась по щеке пророка.

Тяжело шагая, опираясь на облезлый, потрескавшийся посох, с трудом переводя дыхание, старец двинулся по горной тропе. Весь в слезах Аарон стоял внизу, взглядом провожая человека, которого любил больше всех на свете, понимая, что теперь в его жизни наступает пустота, которую никто никогда не заполнит.

Этот день выдался на редкость жарким, солнце беспощадно сжигало землю, и все люди старались укрыться в тени, и только древний старец, согнувшись почти пополам, еле волоча ноги, поднимался под палящими лучами по раскаленным камням на вершину скалы. Пот градом лился с его перекошенного от боли и усталости лица, но он ни разу не остановился, зная, что, прояви хоть немного слабости, он не сможет продолжить путь. Несколько часов пророк

поднимался на гору, солнце склонялось к горизонту. Наконец Моисей увидел вершину, лицо его просияло, глаза заблестели, откуда-то появились силы, и он с легкостью преодолел самый трудный отрезок пути. Солнце степенно опускалось за горизонт, освещая последними лучами землю. Моисей внезапно почувствовал себя молодым и бодрым, точно так же, как в тот день, когда впервые встретился с Богом у горящего тернового куста. Он опустился на колени. Красный луч солнца осветил вершину горы:

– Моисей! Ты пришел вовремя! Я тебя ждал! – знакомый голос прозвучал в ушах пророка. – Пойдем со мной. Ты выполнил мою волю, и теперь твое место здесь, на небесах, чтобы ты мог наконец насладиться трудами своими.

Моисей лег на каменистую поверхность, поглядел с умиротворенной улыбкой на небо и закрыл глаза. Он почувствовал себя легко и свободно, ощущая невесомость.

– Спасибо, Отец мой небесный, – мысленно произнес пророк.

И его тело в блаженстве поплыло над землей, улета в небесную даль.

Глава 12

Темные тучи заволокли небо над Иерусалимом, оттеня мрачными красками серые дома и стены, погружая город в древнюю первозданную красоту. Сильный дождь хлестал холодными струями по каменной брусчатке, заставляя немногочисленных пешеходов прятаться под крышами. Овадья, раскрыв зонтик, шел по узким улочкам старого города, не обращая внимания на ливень, лужи и пронизывающий холод. Ветер усиливался, свинцовые тучи сгущались, опускаясь все ниже над землей, погружая город в серый неприятный мрак, ливень усиливался.

Сумрачно было не только на улице, но и в душе у молодого агента «Моссада», только сейчас он стал осознавать всю сложность и запутанность дела, которым ему приходилось заниматься. Обычное оперативное наблюдение в один миг неожиданно засасывало его в круговорот странных событий. Таинственные письма, появившиеся откуда-то из глубины веков. Жестокие убийства особым изуверским способом ни в чем не повинных рабочих, ставших случайными свидетелями некоего открытия. Непонятная, абсолютно лишенная всякой логики смерть имама. Подозрительный старик на фотографии с кольцом на руке, которого нет ни в одной картотеке страны, необъяснимым образом, как призрак, появившийся в мечети. Но самым неприятным для Овадья было то, что его опытный руководитель, Кейла Овальская, не замечала или не хотела замечать таинственность и необычность старика, а перстню она вообще не придала никакого значения. Все эти факты смешались в голове Менахема. «И во главе всего стоит эта сказка про Ковчег, придуманная иудеями на заре цивилизации, чтобы оправдать свою избранность. Мистика, да и только. Надо все разложить по полочкам, каждый факт, все детали, понять мотивацию убийств и только тогда делать умозаключения», – подумал молодой агент «Моссада». Сверкнула молния. Овадья взглянул на небо. Город на мгновение осветился, а потом опять погрузился во тьму. Раздался страшный грохот. Молодой человек невольно пригнулся, как будто на него что-то обрушилось. Менахему стало стыдно за свой испуг. Он осмотрелся по сторонам, боясь, что кто-нибудь мог увидеть его в этот неловкий момент. На улице было пустынно. «И куда это я так торопился?» – и только тут молодой человек вспомнил, что он спешил к деду в синагогу.

Ему почему-то захотелось побеседовать со своим знаменитым дедом по материнской линии. Он был известным раввином, одним из лучших знатоков иудаизма в стране. Овадья считал себя современным, продвинутым человеком, не особо верующим в Бога, полагая, что вся история религии основана на множестве предрассудков и огромном количестве мифов, подтвердить подлинность которых еще никому не удалось. Но сейчас ему почему-то захотелось узнать подробности о Ковчеге Завета. Он с легкостью, с помощью пары щелчков по клавиатуре мог найти любую нужную информацию, но все же решил воспользоваться знаниями своего деда Иехиэля Кацмана, который, пожалуй, лучше всех знал и трактовал священные писания. Менахем не верил во все эти сказания, но любопытство взяло верх над разумом. Овадья остановился на небольшом перекрестке и, убедившись в правильности пути, свернул в нужном направлении и оказался прямо перед знакомой синагогой.

В темном помещении было безлюдно и прохладно, тускло горела только одна лампочка. У окна в полном одиночестве скромно сидел раввин, склонив голову над толстым Талмудом, что-то шепча бледными узкими губами, покачиваясь в такт произношениям священных писаний. Менахем, увидев родного человека, улыбнулся от радости, и на душе сразу стало лучше. Он хотел подойти к раввину, но вспомнил, что в это время беспокоить деда нельзя, он общался с Богом напрямую, с легкостью преодолевая пространство, которое другим представлялось запретной территорией. «Да, постарел дед», – в душе у молодого человека возникло щемящее чувство. Время было беспощадно к людям, а трагедия, случившаяся в их семье, совсем подкосила здоровье старика. Он смотрел на раввина, подмечая, как на благородном бледном лице

деда появилось еще больше глубоких морщин, под глазами образовались темные пятна, выдающие больные почки, белая длинная борода сильно поредела, руки слегка дрожали, и только большой, немного с горбинкой нос демонстрировал сильный волевой характер. «Надо бы его в госпиталь положить на обследование, возраст и беды все-таки сказываются». Менахему вдруг почему-то захотелось подбежать к деду, крепко обнять его, как в детстве, прижаться к груди и радостно закричать: «Деда, здравствуй!», но он удержался от неожиданных проявлений слабости.

Раввин, дочитав страницу, положил книгу, снял очки и закрыл глаза. От долгого чтения у него разболелась голова, он тонкими пальцами начал потирать себе виски, стараясь облегчить недомогание. Он открыл глаза и, застигнутый врасплох, вздрогнул. Прямо перед ним стоял улыбающийся молодой человек.

– А, это ты, внучек! – глаза старика просияли от радости. Он поднялся со стула и крепко обнял внука. – Давненько ты ко мне не приходил, совсем забыл старика.

– Нет, деда, просто дел было много, – прилив теплой энергии вновь захватил Овадью.

– Ну рассказывай, что у тебя нового? – раввин оглядел внука с разных сторон, с гордостью мысленно сравнивая себя в молодости с Менахемом: «Какой красивый стал, возмужал, да и ума явно прибавилось – по глазам вижу. Весь в меня пошел».

– Все нормально, дед. Я вот зашел к тебе узнать кое-что, – молодой человек немного покраснел и замялся.

– И что же тебя интересует? – старик оживился.

– Ты хорошо знаешь Талмуд, читаешь Тору, правильно толкуешь многие святыя писания. Расскажи мне немного о Ковчеге Завета, почему вокруг него столько шума в течение многих лет?

– Ах тебя, значит, Ковчег Завета заинтересовал? – раввин сел на стул, предлагая внуку последовать его примеру. – Но тебе-то зачем это? Ты же все равно не веришь в иудейские святыни.

– Деда, мне просто интересно узнать, что ты думаешь об этом.

Старик поправил очки на носу, несколько раз кашлянул, не зная, с чего лучше начать:

– Это, внучок, очень старая история, покрытая многими тайнами. В Торе о ней много говорится. Но это факт чисто религиозный. Насколько я знаю, ты не очень веруешь во всемогущие силы. Зачем же тебе сейчас потребовалось узнать о самом важном для всех иудеев сокровище? – старик с неодобрением покачал головой. – Ты, Менахем, слишком молод, считаешь себя современным человеком, продвинутым в науке, и не доверяешь древним писаниям, но время образумит тебя и выведет на путь истинный. Только истинная вера в Отца нашего Господа позволяет правильно понимать мир. Но тебе еще все предстоит открыть перед собой заново, когда ты созреешь для общения с Богом.

Овадья старался придать себе серьезный вид, но краешки губ выдавали его нерелигиозный подход к жизни.

– Деда! Не ругайся, пожалуйста, каждый из нас выбирает свою дорогу. Я инженер, а ты служишь Богу, но ведь от этого мы не перестаем любить друг друга! – он выдержал паузу, затем обнял слегка насупившегося старика. – Расскажи мне лучше историю о Ковчеге Завета.

Раввин смягчился:

– Хорошо. Но это долгая история, выдержишь ли ты?

– Конечно, деда!

Менахем по-домашнему и с теплотой всегда называл Иехиэля Кацмана, которого он сильно любил с самого детства, «деда». Разговор был долгим, старик часто останавливался, переводя дыхание, старался откашляться в кулак. Его чистые глаза сияли огнем от цитируемых из Торы слов. Молодой человек, забыв обо всем, с восторгом слушал рассказ раввина, который

внезапно предстал перед внуком пленяющим пророком, чьими устами говорил сам Бог. Столь ярко и вдохновенно Иехиэль Кацман передавал древнее священное писание.

– Постой, деда! – Менахем внезапно прервал рассказ старика. – Ты сказал, что коэны были священниками.

– Да! Коэны – это род из колена Аарона, – подтвердил раввин. – Но сейчас священников нет.

– Как нет, разве ты не священник?

– Нет, мальчик мой. Я всего лишь раввин, учитель, наставник, трактую святые писания. Сейчас в иудаизме нет священников.

– Как нет? – воскликнул от удивления Овадья.

– Священники бывают только тогда, когда есть храм.

– Но ты же служишь в синагоге, разве это не храм?

Раввин осуждающе покачал головой:

– Эх! Молодежь нынче пошла, элементарных вещей не знаете. Синагога – это просто помещение, где мы проводим свои обряды и читаем святые письма.

– А где же тогда храм? Ведь у всех есть свои храмы: у христиан, мусульман, буддистов, – для Менахема эта новость стала откровением.

– Храм у иудеев есть только один, но он разрушен. А раз нет храма, нет и священнослужителей.

– Но ведь можно построить другой храм, у нашего народа, по-моему, с деньгами никогда не было проблем.

– Деньги тут ни при чем. Мы могли бы построить огромное культовое сооружение выше небес, но храм может стоять только в одном месте – на Храмовой горе. А сейчас там молятся мусульмане. Поэтому священников сейчас у иудеев нет. Давным-давно, когда наш народ вошел в Ханаану, так называлась раньше Палестина, всем еврейским семьям из двенадцати кланов, колен израильских, были даны земельные наделы. Люди построили свои дома, посадили сады, разбили поля и начали счастливо жить. И только потомки Аарона не получили ничего, их было мало, но они обладали острым умом, талантом ораторов и как никто другие веровали в Бога. Дети Аарона и их потомки незаслуженно остались без земли, но им была уготована другая участь. Только род коэнов Отец наш Небесный наделил возможностью входить сначала в Скинию Собрания.

– Что это, деда?

Старик нахмурил брови:

– Стыдно не знать это, Менахем. Мне иногда кажется, что ты не еврей, – он хотел было пригрозить пальцем внуку, но потом передумал. – Это такой шатер, переносной храм, в котором хранился Ковчег Завета. Место жертвоприношения и общения с Богом. Один Моисей имел право входить туда, а после пророка такой привилегии удостоились только потомки Аарона – первосвященники. А когда Соломон воздвиг храм, коэны удостоились права входить в Святая святых – в комнату, в которой находился Ларец Бога.

По стене мелькнула серая тень, старик прервал рассказ. Кто-то вошел в синагогу, раввин встал, чтобы встретить посетителя.

– Деда, а где сейчас Ковчег Завета?

Старик кивком головы издали поприветствовал гостя.

– Он исчез.

– Его кто-то украл?

– Я не знаю, – раввин хотел направиться к прихожанину. – Просто так украсть его не могли, Подарок Бога всегда охраняли левиты, особые люди, тоже из колена Аарона. Они оберегали его днем и ночью. Всевышний наделил их особым даром воинов, которые должны были защищать Ковчег Завета, используя божественную силу.

– Постой, деда! – Менахем остановил раввина, дернув за рукав. – Я знаю, что у тебя нет времени, но скажи мне: левиты исчезли вместе с объектом своего охранения?

Старик блеснул глазами, но подчинился воле любимого внука:

– Я не знаю, однако в священных писаниях говорится, что Ковчег Завета не может попасть в чужие руки ни при каких обстоятельствах, пока его охраняют левиты. А их достаточно и сейчас среди нас.

В помещение вошли еще несколько человек. Раввин поклонился внуку и направился встречать прихожан.

«Что же, и этого достаточно!» – подумал Менахем и помахал старику рукой.

– Спасибо, деда! – и поспешил к выходу.

Сорок тысяч воинов израильтян, преодолев полноводную реку Иордан, двинулись к горной цепи, за которой открывалась зеленая долина Земли обетованной. Впереди шел Иисус Навин, мужественный воин сорока лет. Высокий и решительный, он всегда отличался тем, что смотрел всем прямо в глаза, не храня за пазухой камня, говорил всем честно свою позицию и умел проявить терпение, слушая других, даже тогда, когда не был согласен с их мнением. Моисей еще в пустыне во время долгого странствия заметил маленького Иисуса, оценив его незаурядный ум, честность и высочайшей степени порядочность, столь не свойственную большинству представителей еврейского народа. Долгие годы рабства в Египте наложили свой отпечаток на израильтян, уничтожив во многих из них чувство собственного достоинства. Отец Иисуса, покорный и слабый человек, спасая жизнь своему ребенку от страшного голода, преодолевая страх и природную застенчивость, поднял бунт против Моисея, оскорбив своим поведением самого Бога. Но Всевышний, наказывая за непослушание многих евреев, почему-то щадил Исхака, оставляя его постоянно рядом с Моисеем. Прошло тридцать девять мучительных лет. Многие люди почти потеряли веру в Моисея, и пророк, понимая, что терпение народа подходит к концу, однажды на закате вошел в Скинию, закрыв за собой вход в шатер плотной тканью. Опустившись на колени, он склонился перед Ковчегом Завета, нежно потер шершавыми ладонями херувимов:

– Отец наш, скажи, как долго мы будем ходить по пустыни в ожидании Твоего прощения? – пространство между крыльями засияло, обжигая глаза. Моисей невольно закрыл ладонью лицо, отполз на несколько шагов назад. – Не гневайся, Отче наш. Скажи, что нас ожидает впереди?

Горящий шар завис над блестящим ларцом. Пророк с раскаяньем в душе замер, трепеща всем телом от волнения.

– Моисей! Срок, отмеренный мной, не будет сокращен. Я установил его для того, чтобы очистить народ израильский от скверны рабства, от слабости и трусости, хитрости и предательства, лени и алчности – качеств, приобретенных на берегах Нила под ударами палок жестоких правителей и неподобающих моему народу. Через год закончится полное очищение, и тогда воля моя будет исполнена, евреи получат свой рай на земле, место, где реки наполнены киселем, а берега – медом. Скоро испытания подойдут к концу, но тебе, Моисей, – металлический голос зазвучал сильнее, – тебе, Моисей, необходимо выбрать себе преемника.

Пророк несколько раз поклонился, сильно ударившись лбом о каменистую землю:

– Да, я готов! Кого Ты выберешь, Господь Мой? – огонь стал затухать, яркие лучи поблекли. – Укажи, Господь мой, перстом своим на преемника! – Моисей с силой стал отдавать поклоны, разбивая себе лоб в кровь.

– Выбери того, кто будет лучше всех остальных, кто будет чист перед людьми и Мной, – голос затих.

Моисей поднял голову, глядя с испугом на Ковчег Завета, огненный шар на глазах затухал.

– Отец наш небесный, не оставляй меня в смятении! Дай знать, кто должен продолжить дело мое и кого Ты, Господин мой, готов вести дальше!

Голос молчал, не желая больше произносить ни слова.

– Отец Наш, дай знать! – пророк опять отвесил несколько поклонов, кровь ручьями текла с его лба. Он зарыдал от страха, что не сможет выполнить волю Бога и тогда народ Израиля будет обречен на гибель в горящих песках пустыни. Шар потух. Страшное разочарование исказило мокрое от слез и крови лицо Моисея. – Отец мой!

Херувимы, казалось, опустили крылья, давая понять, что Бог закончил беседу. Старец беспомощно опустил голову на грудь, в отчаянии кусая губы. И в этот момент шатер наполнился ярким светом. Ангелы подняли крылья, и в голубом свете Моисей увидел знакомые черты лица сына Исхака – Иисуса Навина. Огонь погас, оставив пророка в полной темноте. Теперь Моисей был спокоен, так как знал волю Бога.

Войска двигались дальше, преодолевая путь между двумя горными хребтами, Иисус вышел к небольшой деревушке Гилгале, в страхе покинутой жителями. Он увидел перед собой вдали большой город, который закрывал узкий проход к зеленой, благоухающей тропическими растениями земле. Высокие каменные стены вертикальной скалой преграждали путь дальше. Иисус никогда в жизни не видел ничего более грандиозного, чем эти стены, которые опоясывали город со всех сторон. «Да как же мы будем брать этот город? Это же непреступная крепость, которую нам никогда не одолеть! Как жаль, что рядом нет Моисея. Пророк всегда находил выход из любых ситуаций», – подумал Иисус Навин.

Царь Иерихона стоял на балконе своего дворца и с ужасом наблюдал за огромной толпой беженцев, которые устремились в город со всех окрестных поселений, в панике покидая свои земли и дома, в надежде найти защиту за стенами крепости от страшного врага. Люди шли целыми семьями. Со скорбными лицами мужчины возглавляли процессии, таща за собой груженные домашним скарбом телеги, ослов и другой скот. Чуть поодаль, стараясь не отставать от мужей, рыдая, с трудом двигались измученные женщины с детьми на руках, в конце тащились старики.

– Царь! – правитель обернулся. Прямо напротив него стоял высокий мужчина средних лет и крепкого телосложения. Его огромный кулак негодуяюще сжимал рукоятку клинка. От сильного потрясения его мощный выступающий подбородок трясся в неумемном гневе. – Почему мы так трусливо прячемся в крепости и не преподнесем хороший урок в честной битве этому войску с пустыни? Дай мне возможность вывести свою армию за городские стены и разгромить противника, – воевода с огромным трудом сдерживал свою ярость. – Царь! Я знаю силу и опыт своих воинов и верю в мощь оружия, которым обладаю. Доверь мне повести солдат наших в бой. Они многое повидали на своем веку и никогда не привыкли отступать.

Но царь Иерихона в этот день был не похож сам на себя. Лицо осунулось, волевой подбородок властного правителя сник, глаза бегали, выдавая животный страх.

– Правитель, что тебя беспокоит? Куда делась твоя уверенность, благодаря которой мы всегда одерживали победы? – воевода негодуяюще смотрел на царя, требуя объяснений.

– Постой, Эрид, – голос царя был слаб, он опустил глаза. – Ты многого не знаешь, потому так и горяч. Я не боюсь этих диких племен, пришедших издалека. Мы можем выставить свою армию. Но не в этот раз. Страшная сила пришла на нашу землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.